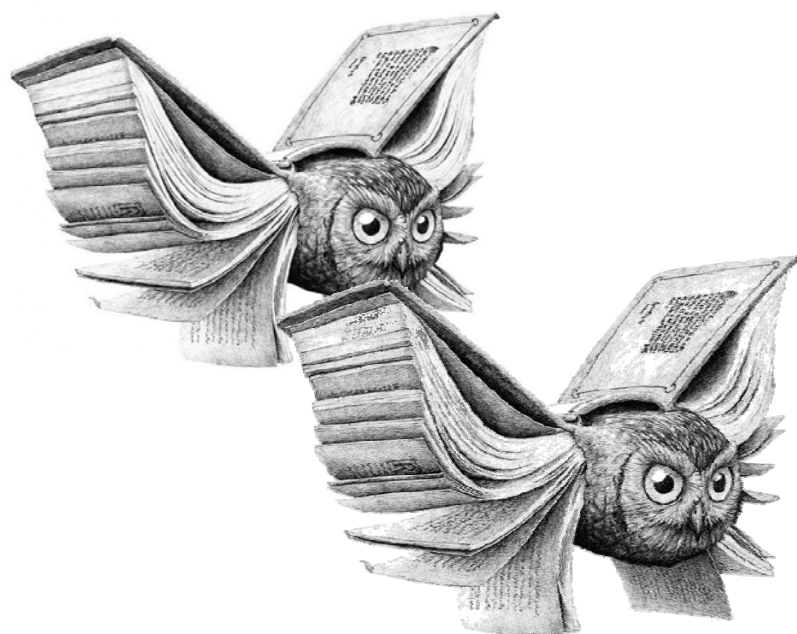

№ 2 (7)' 2017
Июнь

СОФИЯПОЛИС

Электронный научный журнал
гуманитарных исследований

Редакционный совет

Бернюкевич Т.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета

Иванова Ю.В. – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна Забайкальского государственного университета

Нестеров А.Ю. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Самарского национально-исследовательского университета им. академика С.П. Королева

Павлов А.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета

Шемелин А.В. – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-правовых дисциплин Забайкальского государственного университета

Главный редактор

Крылов Д.А. – доктор философских наук, президент Забайкальской гильдии политологов и социологов, руководитель школы "Новые софисты"

Редакционная коллегия

Горковенко А.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Романов И.А. – кандидат филологических наук, декан факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета

Черняк Е.Г. – директор Образовательного центра дополнительного обучения ЧОУ ДПО "Интегра"

Янков И.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры Мировой Экономики и Логистики Уральского государственного университета Путей Сообщения (УрГУПС)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ	7
Крылов Д.А. Третий Завет: между теологией и поисками царства Свободы	7
РАЗДЕЛ II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	18
Амир Ст-н. Вечный Дракон и Ланцелоты	18
Лучанкин А.С. Размышления по поводу «Концепции развития трудовых ресурсов Забайкальского края на 2012 – 2025 годы»	28
Крылов Д.А. Сага о форсайте для отдельно взятого региона	33
РАЗДЕЛ III. ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ	44
Черняк Е.Г. Глобальные трансформации и суверенность: диалектика институциональной парадигмы	44
РАЗДЕЛ IV. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	62
Акифи О.И., Позднякова К.С. Межкультурная коммуникация как средство социокультурной адаптации иностранных граждан	62
Булгакова С.А. Этническая идентичность: влияние на толерантное поведение в межэтнической коммуникации	71
Захарчук О.Е., Николенко О.В., Ерещенко М.В. О ситуативных языковых контактах: русско-китайский пиджин	77
РАЗДЕЛ V. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ	87
Документы из следственного дела 1874 г. о взаимоотношениях И.С. Полякова и П.А. Кропоткина. Публикация А.В. Бирюкова	87

ОТ РЕДАКТОРА

Физики и лирики – отчего затих их спор? Слабые отзвуки спора, начавшегося на страницах «Комсомольской правды» в 1959 году, слышны и сегодня. Но всё это уже не то, слишком невнятно и кустарно. Современный российский обыватель не идет дальше переживаний на уровне «Дом 2», плоских шуток «ниже пояса», «битв» экстрасенсов с ТНТ или завываний с политических ток-шоу, которые заменили собою некогда грозные политический процессы и партийные собрания. Он мелочно сердитый тип, который не любит никого, в том числе и себя. Самим обществом предзадается эта ущербность, когда человек, как рассуждал Э. Фромм, изначально страдает от недостатка индивидуальности и спонтанности. Человек просто подобен миллионам таких же как он, ценящих свое состояние ущербности и ограниченности.

Возможно, что настроения социального оптимизма способны снять избыточные психозы, возникающие в результате нагнетания противостояния и вражды. Спор физиков и лириков едва ли был порождением партийной идеологии, так как на дворе в СССР была «оттепель». Его спровоцировало желание проникнуть в суть явлений, с одной стороны, и убеждение в ценности поэтических сентенций, с другой стороны. Но за этим спором угадывается желание человека пробудиться в полной мере, ведь речь шла о лучшем будущем человечества. Это была эпоха надежд и социального обновления. Не случайно, что невольный инициатор спора с лириками И.А. Полетаев (инженер) писал, что он отстаивал тогда «свободу выбора».

Преодоление предписанного и косного оказываются необходимым условием для оптимизации «рассеянного разума» и переоценки культурных ценностей. Для последнего действия важно то, что уже у Аристотеля, определялось как приоритет конкретного знания над общими правилами. Поддержка же консервативных настроений в их крайне ортодоксальном варианте способствует лишь снижению социальной активности, засилию

догматического морализаторства. Стимулируется лишь верность традициям, безоговорочная поддержка политического курса правящих кругов общества и системных верований без соответствующего критического их осмысления. При этом общность, как проявление идентичности, абсолютизируется, превращая людей в заложников своеобразной судьбы.

Оптимизм нуждается в утопии, состоящей из сочетания физики и лирики, идей вдохновляющего и достижимого будущего. Это должна быть не эра вражды, а эпоха героических подвигов первооткрывателей. Во всяком случае, в 60-е годы речь шла именно об этом. По рассказу Петра Вайля и Александра Гениса, ученые в 60-е были не просто героями, но аристократами духа, перед которыми открывались реальные перспективы грядущего мира. Тогда это были надежды на скорое воплощение коммунизма. Идею поддержку обеспечивала и научная фантастика. И чтобы эзотерика науки не отпугнула народ, физики шутили. Впрочем, с этой ролью они справлялись до тех пор, пока не встал вопрос о политических претензиях ученых. Ведь речь шла о воплощении «конкретной утопии», которая вступила в конфликт с идеологией.

Утопия может быть представлена в виде афродизиака, вызывающим неосознанное влечение и эйфорию, стремление достичь объекта желания. С идеологией все намного сложнее. Она всегда тяжеловесна и несет в себе негативное начало разделения на своих и чужих. В конце 50-х и в 60-е годы советские люди почувствовали, что классовая идеология борьбы против мира загнивающего капитализма уже не была выражением одних только тотальных настроений для их сурового бытия. Появилась надежда на просвет, обеспечивающий проход к подлинному бытию или как описывает это ожидаемое состояние Мартин Хайдеггер в «Гераклите»: «Тихо обращается бытие к сохранению просвета, в который еще хранимое бытие однажды прольет свою милость, дабы начинательно наделить человека единственным достоинством: возможностью стать хранителем истины бытия».

Люди испытывают потребность в надежде на счастье и благополучие. Экзистенциальное беспокойство постоянно грозит разрушением любым статичным системам и лишь надежда поддерживает веру в то, что в один прекрасный день все станет по-иному. И едва ли кто-то, если только он не фаталист, готов жить в ожидании худшего.

В своей «философии надежды» Эрнст Блох писал о том, что в человеке скрыт первобытный импульс, толкающий его к новизне будущего, к «Еще-Не-Бытию», где воплощаются все мечты. Человек обуреваем утопиями, благодаря чему он намного интенсивнее, чем животные, переживает свое бытие в мире. И здесь не должно быть места пессимизму или дурным утопиям, так как мир идей самопорождается. Даже если желаемое не осуществляется, остается стремление, которое и приводит к результатам, в том числе и ошибочным. Ведь именно желаемое является силой по разрушению статики жизни и банального повторения прошлого.

Задачу воинствующего оптимизма Э. Блох видел в освобождении подавленных элементов нового, более человеческого общества, которое и должно выступать в качестве конкретного идеала. Для того, чтобы не возникала иллюзия ложного или автоматического оптимизма, нельзя покидать почвы реальности с соответствующими тенденциями, которые предопределяют возможности по трансформации бытия. Проблемой, по мнению мыслителя, могли стать механические повторения, в том числе и еще-не-ставшего с его тотальным повторением цели, где все упирается в поддержание идентичности.

Именно в идентичности мы обнаруживаем стабильное накопление негативного состояния, замкнутого на выражении пустого самодовольства о некоем превосходстве над другими. Узкая групповая идентичность культивирует предубеждения и враждебность к иному. С оптимизмом здесь крайне плохо и он угасает, уступая место пессимистическим настроениям. Пессимисты же мечтать о хорошем не умеют или их представления о хорошем связаны с пожеланием плохого другим (чужим), ожиданием

трагедии, скажем, в США, Европе, Японии или там, где наблюдается установка на успех и рост благосостояния и качества жизни.

Пессимизм напрямую связан с пассивностью людей, с их отказом от выражения собственной активной позиции. Пассивное ожидание чуда исключает веру и желание жить для будущего. Не случайно, что фэнтези так решительно и основательно вытеснили произведения научной фантастики в конце XX столетия. Апдейт мышления в принципе практически маловероятен для тех, кто довольствуется архаическими нарративами и переживаниями о прошлом. Спасительная для таких случаев к пресловутой ментальности оказывается родом крепостной стены для косного сознания. Ведь оказываясь в иных условиях и другой культурной среде люди начинают быстро адаптироваться к изменившимся условиям, а не цепляются за традиции.

Изменения в языковой картине мира меняют и культурные константы, которые носят характер относительных и переменных, но в политике часто подаются как неизменные. Усложнение смысловых и языковых форм заставляет, образно говоря, перестать придерживаться прибрежного или каботажного плавания и выйти в океанские просторы. Пробуждение сознания предполагает осознание своего участия в бытии, обнаружение необходимых вдохновляющих идей и нарративов. И едва ли те, кто выдает себя за политических деятелей и вождей, способны вникнуть в спор разума с самим собой. Все их радения о некоем охранении духовности подчинены примитивным практикам запугивания и страха перед начальством.

Полет мысли требует веры в себя, желания жить не в «правильном» государстве, а в мире, где человек и его жизнь ценны а priori. Ведь, если привлечь к рассуждениям Артура Кларка, конец детства может наступить внезапно и навсегда. Впрочем, о таком конце думать как-то не хочется. Если он и оптимистичен, то для кого-то другого.

*Главный редактор «Софияполис»
Дмитрий Крылов*

І. ФИЛОСОФИЯ

УДК 87.3 (2)

Д.А. Крылов
Забайкальская гильдия
политологов и социологов,
президент,
доктор философских наук
E-mail: dmdak@yandex.ru

Третий Завет: между теологией и поисками царства Свободы

Аннотация: В статье предпринята попытка проанализировать возможности формирования новых и преодоления старых идейных нарративов в новейшей истории. Появление в конце XIX – начале XX столетий в России представителей т.н. «нового религиозного сознания» было связано со стремлением светских мыслителей вернуть христианству исходный дух свободы и веру в сопричастность человека высшим планам.

Ключевые слова: Завет Святого Духа, Апокалипсис, свобода, новое религиозное сознание, парадигма обновления, русские философы.

D.A. Krylov
Trans-Baikal association
of political sciences and sociology,
President,
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: dmdak@yandex.ru

The third Testament: between theology and the quest for the realm of Freedom

Annotation: The article attempts to analyze the possibility of forming new and overcome the old ideological narratives in recent history. The emergence in the late XIX – early XX centuries in Russia, representatives of the so-called "new religious consciousness" was associated with the desire for secular thinkers to return to Christianity, the original spirit of freedom and belief in the ownership of person higher plans.

Keywords: The Covenant of the Holy spirit, Apocalypse, freedom, new religious consciousness, paradigm updates, Russian philosophers.

Известный исследователь мифов Мирча Элиаде при рассмотрении учения калабрийского монаха Джоаккино да Фьоре о Третьем Завете, относит его идеи к пережиткам эсхатологического мифа. Ведь тот вводил «в христианство архаический миф о всеобщем возрождении» [15, с. 179]. Впрочем, речь в действительности шла об идейной реакции консервативного толка на обмирщение Церкви, погрязшей в политических распрях и дележе власти и богатства. Аскетические подвиги Джоаккино да Фьоре или Иоахима Флорского (1132/35 – 1201/02) едва ли могли стать примером для людей с более развитой культурой, ведь он проповедовал фактическое пренебрежение к собственной плоти. Но последователи у него были и они испытали на себе гнев церковного начальства за инакомыслие и ересь о наступлении эпохи «Вечного Евангелия». Собственно говоря, именно идея обновления мироустройства и места человека в нем и вызвала, хотя и не сразу, гнев церковных ортодоксов. Был здесь и многообещающий хилиазм с его отрицанием ценности земной политической власти.

Вольнодумство получило в Иоахиме Флорском идейного вождя, а предсказание наступления новой эпохи в 1260-м году стало оправданием для плебейского восстания Дольчино и апостоликов (1304 – 1307), Крестьянских Войн (1524 – 1526).

Из тех, на кого повлияли идеи калабрийского монаха, называются разные мыслители из прошлых эпох, среди которых мы обнаруживаем Роджера Бэкона, Алигьери Данте, Ф. Петрарка, Джироламо Савонаролу, Томаса Кампанеллу, Г.В.Ф. Гегеля, Ф.В. Шеллинга, Вл. Соловьева, Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева.

Ценностное значение имеют рассуждения Иоахима Флорского о трех временах, или трех эпохах, где исходным пунктом его рассуждений становится фраза из Откровения Иоанна: «И увидел я другого Ангела, летящего по середине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени и колену, и языку и

народу» (Отк. 14:6). Телеологическое задание и близость времен играют важное значение в христианской эсхатологии, определяя значение Церкви, но они же вызывают и противоречия, ставя под сомнение стремление церковных институтов к политической мощи и роскоши. Ведь в итоге всех ждет Страшный суд.

Жан Делюмо обратил внимание на то, что в прочтении предшествующего Судному дню времени существовали различия, где одна из традиций строилась на насилии, тогда как Иоахим Флорский и его последователи исключали насилие и верили, что на Земле наступит тысячелетие, когда исчезнут зло и грех. Миротворчивая эсхатология вдохновляла, а не пугала людей [8, с. 167].

Это была метафизическая рефлексия, ориентированная на миллениаристские ожидания. Предполагается, что взгляды калабрийского монаха легли в основу историцистского подхода к прочтению Апокалипсиса, где оказывается слишком много толкователей и спекуляций. Что и обесценивает данный подход [9, с. 20]. Буквализм, действительно, оказался проблемой, так как позволял интерпретировать священный текст, накладывая его на действительность. Показательно, что именно такое буквальное толкование Апокалипсиса, как считается, закрепилось в русском богословии [9, с. 7]. В контексте появления «нового религиозного сознания» в России в конце XIX – начале XX столетий это утверждение приобретает особый смысл.

Что же до прочтения Апокалипсиса, то как пояснил ситуацию о. Сергей Булгаков, то в католическом богословии ситуация предопределяется идеей бл. Августина о том, что тысячелетнее царство и есть сама католическая церковь. В восточном же богословии происходят сходные процессы и тысячелетнее царство находят «если не в Ватикане, то в Цареграде, а позднее в Москве, Петербурге». Тогда как в протестантизме нет препятствий против частных мнений: «Поэтому здесь мы встречаем богословские мнения отдельных экзегетов, в общем принимающих пророчество о тысячелетнем

царстве, хотя и бессильных его реализовать в общем догматическом контексте» [Булгаков, с. 188-189].

Запрет на пророчества о дате пришествия Антихриста и Страшного Суда последовал еще 19 декабря 1516 года на одиннадцатой сессии V Латранского собора. Это стало реакцией на рост пророчеств и давление со стороны протестантских проповедников.

Проблематичным оставалось и то, что выискивание и борьба с ересями едва ли способствовало интеллектуальному развитию человека или возрастанию в нем духовных запросов. Сила институциональной инерции постоянно возрастала. Странники обскурантизма во все времена видели в стремлении к творческой мысли истоки для ереси. По слову Н.А. Бердяева это явление было особенно заметно и в российской традиции: «Наши иерархи обскурантского направления всегда гнали и утесняли русскую религиозную мысль. Гнали Хомякова, Бухарева, Вл. Соловьева, Несмелова. Сам митрополит Филарет был задавлен. Легче было напечатать произведения Белинского, Чернышевского, Писарева, чем богословские произведения Хомякова, чем творческую религиозную мысль. Православные гонители русской религиозной мысли сами отличались полнейшей бездарностью, творческим бессилием и безсмыслием» [1, с. 31].

Еще в 1907 году Н.А. Бердяев попытался дать представление о неохристианстве, как направлении мысли, противостоящем трем ведущим течениям того времени: «1) против старой, омертвевшей церкви, остановившегося религиозного сознания и освященной им государственности, 2) против позитивизма и атеизма, старого рационалистического сознания и освященной им социал-демократической лжерелигии, 3) против анархического иррационализма, хаотической мистики и основанного на них общественного нигилизма» [2, с. 6]. Свободное погружение в метафизику и религиозное творчество, по Бердяеву, придает смысл и религиозным догматам, обеспечивая встречу с подлинным бытием.

Получая подлинный мистический опыт мыслители приобретают непосредственную связь с бытием и понимание смысла всемирной истории. Религия же выступает здесь в качестве гнозиса, конкретного знания, дающего полноту постижения смысла жизни [2, с. 17]. Философ отстаивает динамическое видение религиозных догматов, чтобы они были обращены в настоящее к жизни, а не подменялись все мертвящим морализаторством.

Борьба за свободу, несомненно, заставляла мыслителя писать пафосно и остро в духе манифестов. Он еще не отошел от идей Христианского братства борьбы: «Религия должна сделаться светской, чтобы мир сделался духовным; не функцией жизни она должна быть, а самой жизнью, всепроникающим духом жизни» [2, с. 51]. Впрочем, он и в последующем не оставлял темы метафизической свободы и творчества. Вместе с тем, мыслитель довольно критично настроен по отношению к своему интеллектуальному окружению и предшественникам.

Так, взгляды Вл. Соловьева он представляет как отход от религиозной первоосновы: «Вл. Соловьев породил недоразумение, дав повод думать, что возможен философский универсальный синтез, философское достижение всеединства. Тут чувствуется в Соловьеве отрывка гегельянства и склонность к гностическому рационализму. Всем может быть только религия, а не философия, только религиозно достижим универсальный синтез и всеединство. Философия может быть лишь органической функцией религиозной жизни. Первые славянофилы, Киреевский и Хомяков, яснее Вл. Соловьева сознавали, что лишь религиозно, а не философски, лишь в полноте жизни, а не в гнозисе достижим универсальный синтез, всеединство, так как свободнее были от рационализма» [3, с. 20].

Тем самым, можно отметить, что борьба между мыслителями развернулась по линии искания первооснов христианской мистики. Поиски шли вокруг Иисуса Христа, Святого Духа и тем, посвященных свободе, личности и любви. И именно Вл. Соловьев оказывается первым из отечественных мыслителей всеединства, дерзнувшим вступить на путь

открытого провозглашения ценности «религиозно-философской познавательной деятельности».

Вл. Соловьев успел еще при своей жизни столкнуться с последствиями своего творческого поиска не только со стороны консервативно настроенных власти и приближенного к ней общества, но и со стороны тех, кто увидел в философе-мистике воплощение пророка или даже Христа. Среди таких восторженных и необычайных поклонников была, в частности, Анна Шмидт, провинциальная учительница и сотрудница нижегородских газет. в голове которой родился мистический роман с Вл. Соловьевым. Возможно, что произошла странная встреча Соловьева, как мистика западного типа с установкой на умное делание (об этом говорит Э. Радлов: [10, с. 376]) со стихийной мистикой Анны Шмидт, увидевшей в гностической Софии философа живую Богоматерь.

В своих ранних софиологических изысканиях Вл. Соловьев выстраивает линию своих поисков от Каббалы и неоплатоников к Беме и Сведенборгу, и далее к Шеллингу и к себе. Внешне это предстает как развитие вселенской религии, или тем, что и у Д. Мережковского было связано с утверждением Новейшего Завета:

«Каббала и неоплатонизм.

Бэм и Сведенборг.

Шеллинг и я.

Новоплатонизм – Каббала Закон Ветхий Завет

Бэм – Сведенборг Евангелие Новый Завет

Шеллинг – я Свобода Вечный Завет» [11, с. 177].

Важнейшим аспектом рассуждений мыслителя здесь оказывается видение новейшего Завета как окончательного, который устанавливает окончательную гармонию мира и вселенскую религию. При этом, Вл. Соловьев, как считает о. Георгий Флоровский, оказывается «не на церковно-исторической магистрали, а на каком то мистическом окольном пути». Ведь именно «соборность Церкви» была для него «мистически закрытой». Поэтому

дальше Оригена и гностиков, как считает богослов, Вл. Соловьев не пошел, а остался в до-никийской эпохе [7, с. 317].

Но, возможно, что именно с магистральной линией Церкви, с ее привязкой к политической данности и институтам власти, и было не все благополучно. Не случайно, что Вл. Соловьев старательно выписывает рассуждения славянофила И.С. Аксакова: «В России не свободна только русская совесть... Оттого и коснеет религиозная мысль, оттого и водворяется мерзость запустения на месте святе, и мертвенность духа застывает жизнь духа, и меч духовный – слово – ржавеет, упраздненный мечом государственным, и у ограды церковной стоят не грозные ангелы Божии, охраняющие ее входы и выходы, а жандармы и квартальные надзиратели, как орудия государственной власти – эти стражи нашего русского душеспасения, охранители догматов русской православной церкви, блюстители и руководители русской совести...» [12, с. 188].

Вывод философа весьма примечателен и сегодня: «Система правительственного материализма, опиравшаяся исключительно на грубую силу оружия и не ставившая ни во что моральное могущество мысли и свободного слова, – эта материалистическая система привела нас однажды к севастопольскому разгрому» [12, с. 189]. Он, несомненно, выражал надежду на преобразование России, ее властей и народа. Но, указывая на сохранение в истории национальных различий, мыслитель предостерегал от эгоизма и ложного патриотизма, поставленных на службу государства. Ведь, в этом случае, происходил отказ от основной идеи христианства о единстве Церкви и вселенского единства: «Русская Империя, объединенная в своем абсолютизме, есть лишь угроза борьбы и бесконечных войн. Русская Империя, пожелавшая служить Вселенской Церкви и делу общественной организации, взять их под свой покров, внесет в семейство народов мир и благословение» [12, с. 205].

Разумеется, здесь Вл. Соловьев предлагает картину из утопического романтизма, выбирая в качестве цели служение христианской истине.

Реализовать свои представления философ мог лишь как предтеча или пророк, говоря о скором наступлении новой, третьей эры. В этом своем представлении он как бы смог соединить учение аббата Иоахима Флорского с философией Шеллинга и его идеей о смене трех мировых эпох. В духе Платона и его «Государства» мыслитель создает собственную модель теократического государства, имеющую проективное значение. Он исходит из понимания того, что знание закона развития дает и цель. Это позволяет ему получить выводы о прямой связи между индивидуумами и коллективной цели: «Мы получили теперь ответ на поставленный нами вопрос о цели человеческого существования: она определилась как образование всецелой общечеловеческой организации в форме цельного творчества, или свободной теургии, цельного знания или свободной теософии и цельного общества, или свободной теократии. Настоящая объективная нравственность состоит для человека в том, чтобы он служил сознательно и свободно этой общей цели, отождествляя с нею свою личную волю, а это отождествление, которое есть вместе с тем освобождение человека, неизбежно свершится, когда он действительно сознает истинность этой идеи» [13, с. 177].

Показательно, что практическое воплощение данного проекта имело место в России, хотя и на других метафизических основаниях, когда к власти пришли большевики. Был запущен проект, который можно было бы назвать «религией марксизма». Здесь была собственная установка на абсолютную идею, на ниспровержение векового зла и достижение идеала счастья в этом мире. Имелись и соответствующие служители культа со своей иерархией. Неким парадоксом было то, что объявленная пролетарская социалистическая революция произошла в аграрной стране с соответствующим мировосприятием и хилиастическими ожиданиями.

Новое богословие было дополнено собственным гностицизмом, но едва ли они стали понятными для масс, которым хватало банальной веры в грядущее наступление коммунистического рая. Противостояние иным воззрениям и верованиям не снимало вопроса о внутренней природе

коммунистической идеологии. Она, думается, была наиболее приспособлена не к пролетарскому или промышленному, а к аграрному архаическому сознанию. Разумеется, речь идет лишь о присутствующем в массовом сознании извечного желания покинуть мир нужды и печали ради мира свободы и радости. Но, в рамках существующей ментальности, приходится учитывать и специфику архаического авторитарного сознания, через которое и была принята новая вера.

В России действует государственный традиционализм с установкой на жесткое подчинение верований интересам политической власти. Поэтому, цезарепапизм изначально исключал идеи и богочеловечества и человекобожия. Не случайно Вл. Соловьев интересовался идеями организации вселенской теократии. Но, как считает Е.Н. Трубецкой, Вл. Соловьев идя по пути рационализации мистического и Божественного, ошибочно допускал включение государства как составную часть в царствие Божие: «Рассматриваемое издали, русское государственное здание с его архаическими, освященными древностью чертами кажется философу храмом Божиим, и бытовые черты русской мирской жизни – "дворец и село", сближаются со святынями, становятся рядом с "монастырем и архиерейским собором"» [14, с. 548].

Естественно, что государство будучи принудительной организацией не подходит для целей свободного участия человека «в царстве Божием» как добровольного сотрудника, как сына, а не как раба. Здесь присутствует идея появления гражданского общества на основах религиозного идеала. Впрочем, русский философ не был сторонником протестантизма, сыгравшего важную роль в оформлении гражданского общества на Западе на основе религиозных общин. Ведь именно в этом плане и возможна была реализация идеи «нового религиозного сознания». Правда, в этом случае, согласно А. Тойнби, была бы нарушена логика функционирования российской цивилизации и присущей этому пути «высшей религии».

Показательно, что тогда, когда религия не оказывалась включена в качестве политического института, она оказывала продуктивное воздействие на экономическую активность и самостоятельность своих последователей. Теократическая же идея, строилась на постулате соединения религиозной и светской власти, вызывала большие сомнения у последователей Вл. Соловьева в России, где, как пишет Е.Н. Трубецкой, «общие основы религиозного и философского мирозерцания Соловьева разделяются многими, я не могу назвать ни одного последователя его теократического учения с известным в литературе именем <...> "Социальное триединство" первосвященника, царя и пророка в лучшем случае "не принимается всерьез" или прощается Соловьеву как чудачество великого ума» [14, с. 538].

Заметим, что отнюдь не с приходом в 1917 году большевиков родилась идея отделения церкви от государства. Так в 1906 году философский идеалист С.Н. Булгаков в статье «Церковь и государство» писал о необходимости освобождения Церкви от ига самодержавия: «Церковь не имеет своего государственного и политического идеала, она может и должна уметь жить и блюсти свою святыню при всяком государстве, но только оставаясь свободной и независимой от него» [5, с. 58]. Когда эта идея была осуществлена в 1917 году и «церковь оказалась свободна, из государственной она стала гонимой», мыслитель сам стал священником [6, с. 347].

Религиозно-философские искания конца XIX – начала XX века и ожидание собственной Реформации в России были направлены на освобождение от религиозно-государственной казенщины и ритуальной мертвечины. Это была попытка побега из духовно скудной пустыни. В практическом же плане это были поиски исторического пути и призвания для России и ее народа на основах христианства. Здесь мы обнаруживаем отнюдь не только чистый поток мыслей, но и мутную стихию метаний и ожиданий смены эпох вне контекста реальности. Автаркия и вселенскость стали двумя противостоящими полюсами российской мысли, толкая своих сторонников на идейное противоборство. На экваторе же находилась власть, ограничивавшая

и контролировавшая эсхатологические чаяния и свободу духовных исканий. Поэтому религиозным мыслителям и нужен был не Третий Рим, а Третий Завет, дающий духовную и творческую свободу. Их оппонентам же нужен был Третий Интернационал, но это уже другая история.

Список литературы

1. Бердяев Н. Обскурантизм // Путь. Орган русской религиозной мысли. 1928. № 13. С. 19 – 36.
2. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон+, 1999. 464 с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Издательство «Правда», 1989. 607 с.
4. Булгаков Сергей, прот. Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования). М.: Православное Братство Трезвости «Отрада и Утешение», 1991. 351 с.
5. Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2-х т. Т. 2: Статьи и работы разных лет. 1902 – 1942. М.: Наука, 1997. 826 с.
6. Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. 509 с.
7. Георгий Флоровский, прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 601 с.
8. Делюмо Ж. Ужасы на Западе / Пер. с фр. М.: Голос, 1994. 416 с.
9. Николай (Ким), священник. Тысячелетнее царство: Экзегеза и история толкования XX главы Апокалипсиса. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
10. Радлов Э.Л. Характер творчества и поэзии Вл. Соловьева // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Советский писатель, 1991. 512 с. С. 374 – 388.
11. Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах: Сочинения. Том второй. 1875 – 1877. М.: Наука, 2000. 397 с.
12. Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь; серия «Классическая философская мысль». Мн.: Харвест, 1999. 1600 с.
13. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 882 с.
14. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С. Соловьева. М.: Московский философский фонд издательство «Медиум», 1995. Том I. 604 с.
15. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. М.: «Инвест – ППП», СТ «ППП», 1996. 240 с.

II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32

Амир Ст-н
независимый исследователь
e-mail: amirst-n@mail.ru

Вечный Дракон и Ланцелоты

Аннотация: Проблема человеческой свободы, необходимой для формирования активного гражданского общества рассматривается автором в аспекте столкновения автократической традиции с гуманистическими установками. Смена парадигмы в человеческом сознании связана с отказом от квази-метафизических предустановок на пассивное подчинение высшим смыслам и их носителям из институтов посредников.

Ключевые слова: Свобода, автократия, гетерономия, гуманизм, автономное мышление, метафизика, открытое общество.

Amir St-n
independent researcher
e-mail: amirst-n@mail.ru

Eternal Dragon and knights Lancelot

Annotation: The problem of human freedom, necessary for the formation of an active civil society is considered to be the aspect collision autocratic tradition and humanistic attitudes. A paradigm shift in human consciousness is associated with the rejection of the quasi-metaphysical presets on the passive obedience to the higher senses and their media, from institutions of intermediaries.

Key words: Freedom, autocracy, heteronomy, humanism, Autonomous thinking, metaphysics, open society.

«Дракон» Евгения Шварца никуда не исчез, а исчезли странствующие рыцари Ланцелоты. Просто их не хватило на каждого, кто должен был убить дракона в себе. Оказалось, что самый лучший способ избавиться от Дракона, это иметь своего собственного. Характерно, что Шварц весьма подробно описал варианты человеческих душ: дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души. Именно ими и предполагал заняться

Ланцелот, исправляя сделанное Драконом. Пьеса заканчивалась как бы на оптимистической ноте.

Но вот как выдавить из себя раба даже по капле? Антон Павлович Чехов писал о чувстве свободы, которое обретается через невероятные усилия, а не получается само собою. Воспитанные на почитании начальства, преклонении перед властью и духе рабской покорности, люди едва ли способны быть другими. Дух крепостного права так и не покинул Россию. И об этом вполне открыто сообщает человек, призванный защищать Конституцию страны, где черным по белому записано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (Ст. 2. Конституции РФ). Там еще много не менее красивых слов, но председатель конституционного суда В. Зорькин утверждает иное: «При всех издержках крепостничества именно оно было главной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации. Не случайно же крестьяне, по свидетельству историков, говорили своим бывшим господам после реформы: "Мы были ваши, а вы – наши"» [2].

Мы не слышим возмущения и требований отставки странно ностальгирующего сторонника крепостничества, как, впрочем, народ безмолвствует и по поводу разглагольствований новоявленных охотнорядцев, охранителей, опричников, сталинистов и им подобных охранителей автократического духа власти. Инертность и терпеливость масс потрясает, подтверждая мысль об окончательном исчезновении социального как такового. Здесь нет энергии, а лишь поверхностные ощущения дополняемые таким же поверхностным мышлением. Поэтому и поддержка даже спускаемых сверху нарративов выглядит как лишенная жизни «одобрямс». И именно это состояние культивируется, поддерживая виртуальную общность.

Массы нуждаются в вождях, хотя и испытывают дискомфорт под игом самовластия и самодурства. Деспотический стиль управления так и воспринимается, но в закрытых обществах более мягкое поведение будет

рассматриваться как признак слабости и недостоверности. Власть должна быть властью, а не сюсюкающей мамкой. Обмен между властью и подданными осуществляется на уровне гетерономии, придании смысла всеобщему существованию и подчинения высшей идее, Богу, государству, идеологии или телосу.

Сошлемся здесь на рассуждения Б. Хюбнера, который обнаруживает смену парадигмы для обществ, где на первое место выходит ценность человеческого я. Автономное сознание уже не нуждается в предустановках, а обнаруживает смысл бытия самостоятельно, исходя из своих физических потребностей и возможностей. Более того, его совершенно перестают волновать метанаррации, принуждающие жертвовать собою или близкими людьми. Метафизический самообман рассеивается, а человек переходит от пассивных надежд ожидания к активным надеждам действия: «Энергии, которые человек бессмысленно тратил, расточал в течении тысячелетий для СМЫСЛА, т.е. БОГОВ, после освобождения их от ГЕРОТОМНЫХ сил, высвободились, стали целе-рационально, т.е. разумно, применяться для автономно установленного смысла. Уже не человек должен ДРУГИМ (БОГУ, ГОСУДАРСТВУ, ПРИРОДЕ или ПРАВОМУ ДЕЛУ), а скорее они должны были отдавать должное человеку. Соответствующие человеку мир, природа и общество стали целью действия, когда они уже не подчинены божьей воле и не обособлены от человеческой воли. Под соответствующим человеку обществом все более понималось такое, которое отдавало должное потребностям человека и предоставляло ему, таким образом, соответствующие права – права человека – удовлетворять эти потребности» [8, с. 15].

Стоит обратить внимание на то, как в последнее время именно права человека подвергаются сомнениям со стороны автократических режимов и религиозных течений, указывающих на порочную природу человека. Зло в человеке порождается именно противопоставлением и конфронтацией внешних смыслов, а не внутренних потребностей, хотя и они могут быть

искажены. Поэтому и в открытых обществах, которые в меньшей степени зависят от гетерономных предустановок, чем закрытые общества, мы наблюдаем сбой парадигмы прав и свобод человека. Открытые общества, став обществами потребления, не смогли по-настоящему освободиться от гетерономных сил. Тем более, что и люди, в своей массе остающиеся на уровне поверхностного сознания, едва ли способны оценить преимущества автономного мышления. Человек еще должен приучить себя к пониманию того, что за все надо платить по счетам.

Здесь опущены проблемы, связанные с отклоняющимся поведением человека, его страстями и пороками, которые, к слову, не запреты, не предписания никогда не могли отменить. И хуже всего, когда пороки соединяются с авторитарной властью, людьми, склонными следовать за своими страстями и предрассудками. Ведь общеизвестно, что абсолютная власть развращает абсолютно, но кто без греха? Этим вопросом как раз и пользуются те, кто не желает сковывать себя принципами морали слабых. Власть паразитирует используя человеческие слабости, разрешая или запрещая то, что не требует внешней санкции по определению, но институционально закрепощая, рождает фигуру монстра Левиафана.

Отсылка к порочности людей исходная позиция всех моралистов. Они отказывают человеку в праве быть самим собой. Все действия сводятся ими к искусству «выращивания правильных людей». Тот же Ланцелот у Евгения Шварца собирался заниматься исправлением людей, испорченных в прежние столетия Драконом. Ведь после гибели своего владыки они не нашли ничего лучше, как поставить над собою нового деспотического правителя. Не стоит удивляться, что если бы сегодня автор пьесы рассказал о том, как жители вольного города с энтузиазмом стали бы устанавливать на площадях и в скверах памятники Дракону. Ведь разве в новейшее время мы не наблюдаем сходную картину, начавшуюся реабилитацию в России Иосифа Сталина.

Сильный правитель, тиран или диктатор выступают олицетворением сильной власти, незыблемости устоев. Он единственный субъект воления и

объект поклонения, детерминирующий жизнедеятельность на подвластном ему пространстве. Ему принадлежит исключительное право на дарование жизни и смерти, награды и наказание, оценку того, что правильно, а что нет. Ошибка, считать, что новейшие явления тоталитаризма есть плоды эпохи Просвещения. Это, скорее всего, реакция консервативных сил, воспользовавшихся идеями раскрепощения человека, чтобы вновь сделать людей рабами больших мифов или метанарраций.

Стремление к подчинению носит как внешний, так и внутренний характер. В первом случае, речь идет о подчинении навязанном властью предержащими и осуществляемом в интересах господства. При этом все рассуждения о психологических особенностях правителей носят иллюстративный характер и мало дают для понимания того, что заставляет людей подчиняться именно таким лидерам и игнорировать других, близких психологически к себе. Поэтому, второй случай имеет более важное значение, чем описание параноидальных нарциссизма и мании преследования у Сталина или стремления к некрофилии и истеричности у Гитлера.

Верноподданные или правильные подданные получаются из людей без свойств, которые в описании Роберта Музиля изо дня в день осуществляют мышечную работу обывателя: «Мышечная работа обывателя, который спокойно ходит целый день по своим делам, значительно больше, чем мышечная работа отлета, который раз в день выжимает огромный вес; это доказано физиологически, и, значит, мелкие обыденные усилия в их общественной сумме и благодаря тому, что они поддаются этому суммированию, вносят в мир, пожалуй, больше энергии, чем героические подвиги; героический подвиг представляется даже крошечным, как песчинка, с помпой водружаемая на гору» [4, с. 11-12]. Этот «муравьиный героизм» заставляет людей без свойств двигаться и не задумываться над итогом своего движения. Этим должны заниматься другие и хорошо если они не перегружают мозги.

Бегство от свободы связано с нежеланием принимать мир как постоянно усложняющееся бытие. У Эриха Фромма этот процесс происходит постоянно и до появления «здорового общества» еще очень далеко. И ликвидация внешнего принуждения не стала достаточным условием для достижения свободы. Неврозы в духе мазохизма при авторитаризме заставляют человека отказаться от своего «я» и прибегнуть к спасению во внешних институтах, как бы обещающих спокойствие и благополучие: «...это попытка превратиться в часть большего и сильнеешего целого, попытка раствориться во внешней силе и стать её частицей. Этой силой может быть другой человек, какой-либо общественный институт, бог, нация, совесть или моральная необходимость. Став частью силы, которую человек считает неколебимой, вечной и прекрасной, он становится причастным к ее мощи и славе. Индивид целиком отрекается от себя, отказывается от силы и гордости своего “я”, от собственной свободы, но при этом обретает новую уверенность и новую гордость в своей причастности к той силе, к которой теперь может себя причислить» [6, с. 119].

Здесь происходит наложение мазохизма и садизма, которые направлены против индивидуальности и свободы. Думается, что иллюстрацией к этому могло бы стать явление не только самовластия высших правителей, но и самодурство младших начальников или фюреров, этих младших диктаторов, получающих толику власти для удовлетворения собственной неполноценности. Любое проявление свободомыслия или инакомыслия воспринимается ими как угроза не только режиму, но и их праву на удовлетворение садистских потребностей. Они живут благодаря постоянно поддерживаемым чувствам враждебности и требованию подчинения.

Сбежать от свободы и одиночества, по мнению Э. Фромма, можно и просто приняв общепринятые шаблоны поведения, став автоматом. За подобный конформизм человек расплачивается тем, что перестает быть самим собою. Подавленное критическое мышление и псевдомышление

формируют лишь псевдожелания, что в итоге ведет к появлению псевдоличности [6, с. 152].

Именно автоматизм наиболее идеально подходит для целей авторитарного режима, так как он переводит людей на уровень обезличенной массы. Роль личности узурпируется вождями, заявляющими о своем исключительном праве выступать от имени проведения. Население же превращается в инструмент для воплощения метафизической миссии, что само по себе уже делает массы избранниками судьбы. Так ложные идеалы становятся ценностью в себе, во имя которых и подавляются любые проявления индивидуальности и свободомыслия.

Мысль Эриха Фромма вращается вокруг идей о развитии действительной свободы, инициативы и спонтанности индивида. Но вот с решением их обеспечения уже заметны проблемы, так как привлекается существовавший на то время арсенал действий: «Нерациональное, бесплановое общество должно быть заменено обществом с плановой экономикой, которая позволит объединять и концентрировать усилия всего общества. Общество должно овладеть социальными процессами так же рационально, как овладело процессами природными. Главное условие для этого – уничтожение тайной власти небольшой кучки дельцов, хозяйничающих в экономике, без какой-либо ответственности перед массой людей, чьи судьбы зависят от их решений. Мы можем назвать такой общественный строй демократическим социализмом, но важно не название; важно организовать рациональную экономическую систему, которая служила бы интересам народа» [6, с. 198].

Известно, что Советский Союз гордился именно своей плановой экономикой и идеологическим однообразием, ограничивающем любое проявление инакомыслия. Действовал принцип принуждения к обязательному труду. Все решения принимались на уровне партийно-бюрократических структур. Имитировавшийся «классовый подход» и демагогические рассуждения о народовласти скрывали суть авторитарного

режима, обеспечивавшего благополучие партийной элиты и поддерживавшей ее существование номенклатуры. Впрочем, стоит оговориться, что Э. Фромм видел в деятельности советских коммунистов отход от взглядов К. Маркса, которые усвоили грубую версию его идей: «Это факт, что советские коммунисты и реформ-социалисты считаются врагами капитализма, но сами они понимают коммунизм (или социализм) именно в духе капитализма. Для них социализм – это не такое общество, которое *коренным образом* отличается от капитализма (с точки зрения проблемы человека), а скорее это некая форма капитализма, в которой на вершине социальной лестницы оказался рабочий класс; для них социализм – это, по ироническому выражению Энгельса, "современное общество, но без его недостатков"» [7, с. 590-591].

Показательно, что Фромм избегает критического рассмотрения собственно психологии Маркса, оставляя за ним его гуманистические взгляды на человека как на освобожденного от материальной зависимости субъекта истории. Философ защищает Маркса, идея которого, эмансипация человека как цель социализма, так и не вышла за рамки «грубого коммунизма» [7, с. 612]. Ну уж такие у великого гуманиста нерадивые ученики вышли.

И здесь мы обратим внимание на другого крупного мыслителя, Карла Поппера, который полагал идеи Карла Маркса опасной иллюзией и ошибочной идеологией, снискавшей поддержку многих блестящих мыслителей. Марксизм стал религией, а не учением о свободном духе, послужив внешней идейной основой для обществ закрытого типа. Ведь как это не парадоксально, но наибольшего успеха масштабные пророчества Маркса достигли именно благодаря их низкому интеллектуальному уровню, оставив в стороне полузабытым проделанный им институциональный анализ существовавшего на тот момент капитализма. Историзм, критикуемый философом оказался весьма действенным, благодаря обещанию скорого наступления социализма и следующего за ним коммунизма. Поэтому в умах

последователей Маркса и возобладало значение именно пророчества, которое напрочь отметало «все остальное, изгоняя способность взвешенного критического суждения и подрывая веру в то, что с помощью разума можно изменить мир. Все, что осталось от учения Маркса, – это оракульская философия Гегеля, которая в своем марксистском мундире грозит парализовать борьбу за открытое общество» [5, с. 227].

Гуманизм самого К. Маркса вызывает сомнения. Некогда последователь марксизма С.Н. Булгаков охарактеризовал личность К. Маркса как «демократического диктатора», воспользовавшись высказыванием П.В. Анненкова: «Характерной особенностью натур диктаторского типа является их прямолинейное и довольно бесцеремонное отношение к человеческой индивидуальности, люди превращаются для них как бы в алгебраические знаки, предназначенные для тех или иных, хотя бы весьма возвышенных целей, или объектом для более или менее энергичного, хотя бы и самого благожелательного, воздействия» [1, с. 53].

Понятно, что если К. Маркс и был Ланцелотом, в нашем его прочтении, то, скорее всего, он был неправильным борцом с несправедливостью, который быстро усвоил уроки своего противника – Дракона. Поэтому и его последователи в России – Вл. Ленин, И. Сталин, Н. Хрущев и далее, оказались разными вариациями диктаторов или восточных сатрапов, авторитарных правителей, использовавших метафизическую мифологию о светлом будущем. Они никогда и не стремились к реализации идеала создания сообщества свободных людей.

Поражает во всей этой истории желание людей подпасть под власть нового тирана. Люди так и не смогли принять идей Просвещения, установку на сомнения в догматах и необходимость быть умным. Возможно, что стоило бы почаще напоминать о трех максимах И. Канта: «1. мыслить самостоятельно; 2. мыслить ставя себя на место другого; 3. всегда мыслить в согласии с самим собой». Ведь склонность к пассивности разума ведет к предрассудкам и гетерономии: «Освобождение от суеверия называется

просвещением, ибо хотя это наименование применимо и к освобождению от предрассудков вообще, однако в первую очередь (*in sensu eminenti*) предрассудком должно было бы называться суеверие, поскольку ослепление, которое порождает суеверие, более того, которого оно требует как должного, потребность в руководстве другими, свидетельствует прежде всего о пассивном состоянии разума» [3, с. 135].

К слову, добавим, что этот подход игнорируется сегодня и теми, кто пытается оппонировать действующей власти. Такое предложение было сделано автором этих строк в качестве темы для одной из рабочих площадок для интеллектуальных дискуссий. И это наводит на печальные мысли. Ведь то, чем реально располагает каждый человек, это способностью к суждению, которую необходимо развивать. Этим предопределяется и самооценка человека как индивида и его свобода, рождающие собственные действия. И речь, в этом случае, должна была бы идти о сопряжении оценок и действий для достижения политического консенсуса.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. ДВА ГРАДА. Исследование о природе общественных идеалов. СПб.: Издательство РХГИ, 1997. 589 с.
2. Зорькин В. Суд скорый, правый и равный для всех // Российская газета (26.09.2014) / URL: <http://www.rg.ru/2014/09/26/zorkin.html> (Дата обращения: 2.06.17).
3. Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 5. Критика способности суждения. М.: Издательство «Чоро», 1994. 414 с.
4. Музиль Р. Человек без свойств: в 2 т / Пер. с нем. СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2013. Т. 1. 831 с.
5. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Том 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
6. Фромм Э. Бегство от свободы. Революционный характер / А.И. Фет. Собрание переводов. Philosophical arkiv, Sweden, 2016. 231 с.
7. Фромм Э. Душа человека. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. 664 с.
8. Хьюбнер Б. Смысл и бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / Пер. с нем. Мн.: Экономпресс, 2006. 384 с.

А.С. Лучанкин
доцент кафедры политологии
Забайкальского государственного университета
e-mail: aslas48@mail.ru

**Размышления по поводу «Концепции развития трудовых ресурсов
Забайкальского края на 2012 – 2025 годы»**

Аннотация: В статье поднимается проблема несоответствия принимаемых документов реальным возможностям и цели оптимизации трудовых ресурсов в Забайкальском крае. Будучи одним из отстающих регионов в Российской Федерации Забайкалье нуждается в активизации населения и в обнаружении путей по канализированию такой активности в перспективных направлениях. Без этого, все рассуждения о развитии трудовых ресурсов обречены на бюрократические изыски, а не решение реальной проблемы.

Ключевые слова: Оптимизация, рынок труда, трудовые ресурсы, региональная политика, бюрократические издержки.

A.S. Luchankin
associate Professor of political science
Trans-Baikal state University
e-mail: aslas48@mail.ru

**Reflections on the "Concept of development of labor resources of the Trans-
Baikal region on 2012 – 2025"**

Annotation: The article raises the problem of inconsistency of the received documents the real possibilities and purpose of workforce optimization in the Trans-Baikal region. Being one of the lagging regions in the Russian Federation, Trans-Baikal needs to increase population and to identify ways to analizirovali such activity in promising areas. Without this, all the arguments about workforce development are doomed to bureaucratic delights, and not addressing the real problem.

Key words: Optimization, labor market, labour resources, regional policy, bureaucratic costs.

25 июня 2012 года распоряжением Правительства Забайкальского края была одобрена «Концепции развития трудовых ресурсов Забайкальского края на 2012–2025 годы» (№ 324-р). При всех прочих особенностях документов

такого рода обращают на себя внимание именно сроки решения проблемы, явно выходявшие за рамки действующих полномочий на тот период времени Правительства. К настоящему времени регион возглавляет третий по счету губернатор.

Отдаленные перспективы несомненно необходимы, но степень их надежности весьма проблематична. Впрочем определение термина «концепция» видимо и не требует большего, чем понимания, трактовки заявленного явления, процесса развития трудовых ресурсов в регионе.

И здесь хотелось бы остановиться еще на одной характеристике термина «концепция» – схватывание или постижение смысла теми, кто создавал ее. Ведь любые концепции коррелируют не с объектами, а с вопросами и с ответами, выраженными в речи, и смысловыми рассуждениями, которые признаются участниками диалога. Какие же вопросы были заданы разработчиками данной концепции:

Как способствовать формированию необходимых условий для оптимального рынка труда, созданию в нем сбалансированных потоков спроса и предложения рабочей силы?

Ответ на этот вопрос выглядит слишком пространным, если не сказать формальным:

1. Совершенствование действующего регионального законодательства в области:

развития системы непрерывного профессионального образования, включающей базовое и дополнительное образование, а также профессиональную переподготовку и повышение квалификации руководителей и специалистов;

формирования государственного заказа на подготовку рабочих кадров на основе заявок организаций;

совершенствования механизма целевой контрактной подготовки специалистов в вузах края;

создания условий для достижения соответствия между спросом и предложением на рабочую силу;

повышения конкурентоспособности слаботзащищенных категорий граждан на рынке труда.

2. Совершенствование системы мониторинга и прогнозирования ситуации на рынке труда.

3. Развитие краевого рынка труда и повышение территориальной мобильности рабочей силы.

4. Развитие территориальных (муниципальных) рынков труда.

5. Повышение качества рабочей силы и развитие системы профессионального образования.

6. Привлечение и закрепление кадров в организациях.

7. Оптимизация привлечения иностранной рабочей силы.

8. Повышение качества рабочих мест.

Первое ощущение, которое возникает при чтении данных позиций: мы вернулись во времена зарекомендовавшей себя слабо эффективной плановой экономики. Тем более, что в этом подходе нет даже намека на анализ внешней среды, где должны быть учтены сопутствующие условия или их отсутствие. Посмотрите, скажем на постоянно поднимаемый вопрос-утверждение о негативном для региона преимущественном росте молодежи с высшим образованием (юристов и экономистов) и, соответственно, падении со средне-специальным, рабочих специальностей. Но общеизвестно, что именно рост в передовых странах людей с высшим образованием: врачей, учителей, бизнесменов, инженеров и ученых и создает необходимый багаж для увеличения национального богатства. Так за счет кого и чего мы собираемся развивать Забайкальский край?

Далее, предпринимателям нужны необходимые кадры не в перспективе через три-пять лет, а сегодня. Как в таких условиях планировать рынок профессий, не говоря уже о заявленной в Концепции отдаленной перспективе. Любые организации, общеизвестно, преследуют свои

собственные задачи, а проблема общественного блага перед ними может стоять лишь в аспекте меценатства.

Отметим и то, что в Концепции нет вариантов решения поставленной проблемы и соответственно сценариев развития ситуации в том или ином случае. По всей видимости, предполагается, что речь идет о здравом смысле. Но как тогда быть в случае провала при претворении Концепции в жизнь. Население вообще может проигнорировать предпринимаемые действия или найти способы их обойти. Изменить ментальность населения крайне тяжелая задача. Как высказался в свое время экономист Уильям Истерли, на протяжении последних 50 лет в сообществе по представлению финансовой помощи бедным странам (а в нашем случае бедному региону) господствуют крупные бюрократические организации. Ими в свою очередь, управляют наделенные властью личности, чьи собственные представления о том, что должно и не должно работать, неизбежно играют важнейшую роль в распределении ресурсов. Равно как и приверженцы высокого модернизма, эти «планировщики» – умные, образованные люди, руководствующиеся исключительно добрыми намерениями и страстно преданные идее помощи народам развивающихся стран. И все же, невзирая на триллионы долларов, потраченных на их экономическое развитие, имеется уж очень мало свидетельств того, что реципиенты стали жить лучше».

Добавлю, что я пока не слышал о планах выхода Забайкальского края из разряда дотационных территорий. Идея стать краем опережающего развития возможна лишь при явном стечении благоприятных обстоятельств и активного вливания финансовых средств и привлечения трудовых ресурсов извне. Опора на собственные силы в чистом виде – это род утопии. Общеизвестно, что планы экономического развития проваливаются чаще других, наталкиваясь на проигнорированные, забытые и возникающие овраги.

Несомненно, что при таком подходе любые мероприятия не могут гарантировать успеха, но это так если действия будут носить сугубо линейный характер, опираться на типовые решения, часто простого

характера. Простых решений при решении проблем социально-экономического характера не существует. Нужно менять стиль принимаемых решений, искать альтернативные варианты. Приведу аналогию.

Как отметил писатель-экономист Стивен Ландсбург в книге «Кабинетный экономист», изданной в 1993 году, международная торговля – это технология. «Есть два способа производства автомобилей в Америке. Первый – делать их в Детройте, второй – развивать производство в Айове. О первом варианте знают все, поэтому я расскажу вам о втором. Сначала вы засеиваете поле семенами – это сырье, из которого потом будут созданы автомобили. Ждете несколько месяцев, пока не появятся ростки. Потом вы собираете урожай, грузите его на корабль, и отправляете через Тихий океан в западном направлении. Через два месяца корабль возвращается с Тойотами на борту».

Работа с трудовыми ресурсами требует наработки технологий, которые могут быть использованы для решения текущих задач. Поэтому практически бессмысленно и звучит фраза из Концепции: «В современный период важную роль в развитии российского общества играют трудовые ресурсы, которые служат основным организующим фактором в процессе производства материальных благ и создания духовных ценностей. Социально-экономический потенциал каждой страны, национальное богатство и качество жизни людей определяются, главным образом, состоянием трудовых ресурсов и уровнем их развития». Это набор слов, отдающих нафталином, более соответствующих эпохе докладов на очередном партийном съезде, чем решению практической задачи. Тем более, что и сам термин «трудовые ресурсы» был введен еще в 20-е годы XX столетия профессором С.Г. Струмилиным. Представления же, как известно, меняются и устаревают. Должны, соответственно, меняться и подходы, и оценки, отвечая не идеологически устаревшим клеше, а установкам на реорганизацию и развитие.

Д.А. Крылов
Забайкальская гильдия
политологов и социологов,
президент,
доктор философских наук
E-mail: dmdak@yandex.ru

Сага о форсайте для отдельно взятого региона

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы прогнозирования будущего для Забайкальского края и анализ попыток представить его в качестве территории опережающего развития. Определенный скепсис автора связан с сомнениями в возможности изменить ситуацию с прозябанием края, где низкая активность населения и патерналистские настроения являются ключевыми формами поведения. Привлечение инвестиций объявляется панацеей для решения всех социальных и экономических проблем. Но зависимость в принятии ключевых экономических решений от Центра, ставит регион в невыгодное положение. Ограничения со стороны государства не позволяют Забайкалью использовать преимущества пограничной территории. Вместе с тем, ситуация не является тупиковой если будет сделан упор на формирование в крае активной социальной среды.

Ключевые слова: Форсайт, Забайкалье, региональная политика, футурология, инертная среда, социальная активность.

D.A. Krylov
Trans-Baikal association
of political sciences and sociology,
President,
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: dmdak@yandex.ru

The Saga of foresight for the individual regions

Annotation: The article discusses the problems of forecasting the future for the territory and the analysis attempts to present it as priority development areas. A certain scepticism of the author is associated with doubts about the possibility to change the situation with the stagnation region, where low activity of the population and paternalistic attitudes are the key forms of behavior. Attracting investment is declared to be a panacea for all social and economic problems. But the dependence in making key economic decisions from the Center, places the

region at a disadvantage. Limitations on States do not allow the TRANS-Baikal to use the advantages of the border area. However, the situation is not deadlock if there would be an emphasis on the formation region of the active social environment.

Key words: Forsythe, TRANS-Baikal, regional policy, futurology, inert environment, social activity.

В Забайкалье пришла созданная на Западе более 30 лет тому назад технология форсайта и появились первые «дорожные карты». Уже в декабре 2015 года прошла форсайт-сессия в Чите, где обсуждались вопросы, связанные с развитием въездного и внутреннего туризма. Были рассмотрены перспективы развития отдельных направлений: «сельского, детского, санаторно-курортного, событийного и даже научно-познавательного туризма» [4]. Предполагалось, что к началу 2016 года должна была появиться дорожная карта развития туристической отрасли в Забайкальском крае.

Озвучен был и прогноз об исчезновении к 2020 году крупных туроператоров и более мелких посредников в Забайкалье: «Туристы и путешественники предпочтут самостоятельно бронировать туры, отели, билеты, появится новая профессия – онлайн-гид или веб-инструктор по туризму. Те, кто сейчас зарабатывает на посредничестве, будут не нужны. С этим не надо бороться, это данность продиктована мировыми тенденциями» [11].

Не вступая в заочный спор с участниками сессии о мировых тенденциях в развитии туристических услуг и оказывающих их посредников, замечу, что зависимость края от финансирования из Москвы ставит под вопрос саму идею превращения Забайкалья в центр туризма. Эта мысль подтверждается рассуждениями руководителя департамента туризма Забайкальского края Антона Тутова: «Огромное внимание департамента будет уделено работе с федеральным центром. Потому что на сегодняшний день государство и федеральный центр инвестируют в туристическую отрасль достаточно большие деньги. С учетом экономического положения страны борьба за эти

ресурсы между субъектами будет колоссальной. Вот одна из задач Забайкальского края – максимальное вхождение и привлечение федеральных денег на территорию края в инвестиционные проекты» [3].

Выдать желаемое за реализуемое на практике – известный прием по имитации деятельности, маскировки собственной несостоятельности. Это должно вызывать протест, но в эпоху симулякров оказывается общепринятой установкой. Поэтому обвинять только бюрократию в росте издержек на любые проекты по изменению сложившейся ситуации будет несправедливо. Смысл разрушается с упорством, достойным лучшего применения. Все усилия направлены на поддержание системы, где разговоры о переменах и осваивание средств поглощают идею конечного результата.

Так, поддержка патерналистских настроений и преклонения перед властью лишает население стремлений к самостоятельности, либо деформирует их, превращая в заложника костных отношений. Формируется сообщество людей без свойств с двухмерным мышлением. Мыслить масштабно они не могут. В итоге, как говорится, «слишком много начальников, слишком мало индейцев» [12]. Качество же и тех, и других, оставляет желать лучшего. Тем более, что действующая установка на самовластие не порождает активной конкурентной среды.

Отметим очевидную логическую связь между послушанием и отсутствием инициатив, которая просматривается в отношении Москвы и регионов. Формальный федерализм вернул ситуацию к тотальному контролю со стороны государства, где самостоятельность субъектов не более, чем имитация заявленных принципов. Более того, сами субъекты оказываются вписанными в удобную для их руководства форму взаимоотношений с центральными властями, занимаясь демонстрацией лояльности, а не развитием собственных территорий.

Заметим, что такая ситуация чревата исходом из Забайкальского края экономически и социально активного населения, без которого все положительные прогнозы и разговоры о развитии территории пустой звук.

Уже сейчас отток людей из края составляет 34523 человека против 28069 человек прибывших в Забайкалье (данные за 2016 год) [9]. И это устойчивая тенденция прослеживается на протяжении длительного времени с 2000 по 2017 годы. На фоне исчезающих населенных пунктов принимаются решения об укрупнении поселений. Поэтому вопрос может быть поставлен на манер Ги Бюржеля и более жестко: Умирает ли Забайкалье?

Разумеется, Забайкалье далеко не Париж, но и у него есть своя собственная притягательная сила, от природных красот и до богатых полезными ископаемыми недр. Здесь любят говорить, что на территории Забайкалья свободно могли бы разместиться многие европейские страны, в том числе и Франция. И все же, имеется и нечто общее, если сравнивать столицу края Читу, которая подобно описанному профессором Бюржелем Парижу являет собою вялый и инертный город с далеко не самым престижным университетом, расшатанной экономикой и постоянно запаздывающими государственными инвестициями [2, с. 18].

Идея умирания имеет еще один аспект. Это периодически возникающие в Москве разговоры об укрупнении регионов или подчинения их неким более эффективным государственным корпорациям. В итоге должна произойти прямая замена субъектов федеративного государства на субъекты, учрежденные системой власти Российской Федерации. Такое внешнее, по своей сути, управление превратит территории в род колоний, эксплуатируемых в интересах директората. Идеологически эта тенденция уже получает свою поддержку, как оправдание создания госкорпораций для развития национальных проектов: «Идея создания государственных корпораций в России является правильной, так как их целями являются развитие инфраструктуры, создание и использование инноваций и аккумуляция инвестиций – деятельность, которая порой остается непривлекательной для бизнеса или является важной для государства, без которой невозможен дальнейший экономический рост и процветание России» [7, с. 10].

Корпорации могут стать и самодостаточными монополиями, подавляющими любое проявление конкуренции, имея постоянную подпитку из государственного бюджета. Их уже сегодня крайне сложно их контролировать. Учитывая, что речь идет о мировой тенденции, то стоило бы обратить пристальное внимание на то, во что могут превратиться корпорации, в том числе и государственные, в своей перспективе. Ричард Рорти со ссылкой на произведение Нила Стифенсона «Грохот снега» (в российском переводе: Нил Стивенсон «Лавина») пишет о том, что автор «исходит из широко распространенного убеждения, что все самые важные решения принимают корпорации и закулисное теневое правительство, действующее как агент этих корпораций» [8, с. 13–14].

Умирание территории связано с утратой населением жизненных перспектив и надежд на изменение ситуации к лучшему. Депрессивное состояние Забайкальского края говорит о затянувшейся болезни без перспективы выздоровления и это не может не отражаться на настроении людей. Воинствующих оптимистов здесь нет, как нет и позитивного видения будущего края. Все образы и программы будущего связаны с прошлым, с восстановлением аграрного комплекса и горнорудной промышленности. При этом явно забывают о том, что «дважды в одну и ту же реку войти нельзя» (Гераклит).

Речь должна идти о преобразовании Забайкалья, а не восстановлении утраченного. Для этого необходим конкретный идеал с учетом современных тенденций мирового развития и собственных субъективных обстоятельств. Отход от традиционного представления о сильном Центре и слабой периферии меняет принципы организации политической власти, ориентированной на избыточный и жесткий централизм. И это будет одним из самых серьезных препятствий на пути модернизации дотационных регионов. Ведь это принятое и укорененное в сознании элит и масс состояние, формирующее закрытую систему в которой нет места другим не санкционированным сверху моделям поведения. Но в итоге, процессы

энтропии будут нарастать, что в конечном счете и будет переводить ситуацию из стагнации периферии к ее гибели.

Снижение уровня энтропии возможно благодаря увеличению индивидуальной активности, что и должно привести к положительному результату для общества, регионов и государства. Система при этом не должна быть замкнутой и довольствоваться идеей об особом пути. Ведь энтропия замкнутой системы не убывает. Такая система стремится к сохранению внешних форм управления и стабильности и это становится самоцелью, но в итоге возрастает хаос и дезорганизация. Затраты на выполнение решений многократно превышают необходимые расходы и требуют «ручного управления». Указывает на это, в частности, и предшествующий опыт, связанный с распадом Советского Союза. Система оказалась в состоянии кризиса, «когда элементы нарастающей дезорганизации, снижения эффективности деятельности почти всех подсистем, прежде всего экономики и политики, механизмов управляемости и доверия к власти, завершились крахом системы. Этот трагический опыт свидетельствует, что в том случае, когда суммарное нарастание социальной энтропии превышает суммарное увеличение негэнтропийных и антиэнтропийных процессов, тогда в системе начинает преобладать движение в сторону неупорядоченности, неопределенности, деструкции, хаоса, что в конечном итоге приводит к разрушению и гибели данной системы» [1, с. 15].

На частном, так сказать, региональном уровне мы наблюдаем неспособность местных властей изменить ситуацию на протяжении фактически двух десятилетий. К примеру, не решается в Забайкальском крае вопрос с лесными пожарами или с низкой конкурентоспособностью производимой продукции. Известны сегодня и другие проблемы, делающие край малопривлекательным для привлечения инвестиций [5]. Считается, что до 2030 года финансовая потребность в инвестициях составит свыше 3 трлн. руб. [6, с. 109].

Беда края, что он оказался на периферии магистральных проектов и поток финансовых средств, выделяемых государством, едва касается территории. Рассчитывать на небывалый приток средств можно с таким же успехом, что и мечтать, как в одночасье стать «любимой наложницей». Поэтому бессмысленно строить планы на будущую приоритетную поддержку со стороны центральной власти, которая озабочена не процветанием регионов, а воссозданием имперского величия. В основе такой политики лежит стремление к максимальному контролю, ограничения любых проявлений отклоняющейся от дозволенного самостоятельности, досужие рассуждения о Москве как «третьем Риме», постоянно поддерживаемое состояние «осажденной крепости» и, соответственно, нехватка средств для решения внутренних проблем и домыслы о возможном, которое так и не становится действительным.

Необходимо ради выживания территории оптимизировать ее собственное будущее. И, разумеется, речь идет не о сепаратизме. Забайкальский край является субъектом Российской Федерации и он нуждается в «малой» идентичности. Внутренняя или «малая» идентичность способна обеспечить иное отношение к действительности, которая похожа на жизнь в умирающем болоте. Во всяком случае, появляется действенная возможность прогнозирования будущего со своими собственными «куда», «зачем» и «что в итоге». В противном случае придется постоянно возвращаться к хронической отсталости территорий реципиентов, являющихся территориями с отрицательной или нулевой социокультурной и экономической динамикой.

Культурная отсталость наиболее заметна именно на периферии, лишенной собственного потенциала к восприятию передовых цивилизационных установок и ценностей. Не способны такие территории и к самовоспроизводству. Вынужденные довольствоваться ограниченной благосклонностью метрополии (Центра) они примитивизируются,

деградируют и умирают. В лучшем случае для таких территорий наступает эпоха безвременья или собственных «Темных веков».

Внешняя установка на сохранение традиционного общества не делает региональные сообщества сторонниками активной жизнедеятельности и переустройства мира. По аналогии с описанием варваров мы видим установку на сохранение статики и экстенсивные стратегии бытия. Как пишет Игорь Яковенко, «варвар – принципиальный противник динамики. Как паллиат он страдает от существующего уровня сложности цивилизованного мира и постоянно стремится упростить его, свести до той версии варварского универсума, которая им освоена. Всякое усложнение делает задачу вписания варвара в мир неосуществимой. Поэтому он всегда стихийно предпочитает простоту. Там же, где варварское сознание возвышается до уровня идеологии, варварская стихия порождает реакционную утопию, идеологию упрощения, эсхатологическую мифологию, осмысливающую цивилизацию как путь к бездне. Варвар-теоретик разворачивает знамена реакционно-консервативных движений, под которые устремляются массы носителей варварской ментальности» [13, с. 76].

Обеспечить поиск «жизненных прорывов» призвана методика форсайт. Социальные действия требуют отклика и самости, обеспечивающих встречное движение и рефлекссию, которые противоположны административно-командному стилю поведения. Не менее важным оказывается доверие, рождаемое из признания других людей партнерами, тогда как за подчиненными и слугами требуется постоянный контроль. Разумеется, консерваторы всегда могут указать на менталитет и принятые нормы управления, которые призваны оправдать косность системы. Изменив же ситуацию мы в идеале можем создать среду акторов или действующих субъектов.

В рамках направления «социологии действия» уже сегодня возможно говорить об обществе развития, которое порождает систему взаимодействия. Автор данной идеи Ален Турен показывает непростую ситуацию, хотя на

периферии она выглядит просто удручающей: «Мы живем в момент культурной мутации, активного движения в области социальной жизни, где быстрее, чем прежде, циркулируют люди, идеи и капиталы. Но мы еще живем среди опустошенных идей и старых программ, и если некоторые интеллектуалы фиксируют уже появление новых, только формирующихся проблем и реальностей, то большинство интеллектуалов превратились в хранителей устаревших идеологий и даже в презрительных критиков новых идей» [10, с. 25]. Понятно, что рост консервативных настроений абсолютно не случаен и многие из доморощенных неоконсерваторов уже готовы справиться «поминки по Просвещению». Их целью является изгнание общественного, полное подчинение его государству и авторитарной власти.

Тем не менее, беспокойный человек не исчезает, даже в своей неопределенности, внешнем безразличии других и бюрократичности жизни, он будет стремиться выбраться «из-под глыб» прежнего бытия. Хотя, для наших рассуждений, одного пафоса будет недостаточно и, вслед за Аленом Туреном, мы считаем, что ошибочно «видеть в возвращении действующего лица чудесное появление человека, ставшего почти богом, располагающего огромными возможностями производства и трансформации» [10, с. 42]. Вместе с тем, именно человеку действующему принадлежит будущее. Он же воспроизводит и необходимое для грядущих изменений взаимодействие, преодолевает конфликты в области власти, влияния и авторитета.

Поэтому, при установке на появление социально активных людей, можно предположить не только частичные изменения в той или иной сфере жизнедеятельности, но и более серьезные изменения в состоянии самого общества. Необходимо всерьез отнестись к следующему замечанию А. Турена: «Прогресс историчности, способности общества производить самого себя, и, значит, расширение области действий, признанных социальными, влечет за собой развитие секуляризации и ослабление метасоциальных гарантов общественного порядка. Культура, политика, экономика – будучи

протипоставленными обществу – являются лишь главными и последовательными формами метасоциального порядка» [10, с. 70].

Спор не о целях политики, культуры и экономики, имеющих собственное значение, ведь речь идет о модернизации, которую невозможно осуществить на условиях сохранения прежней ментальности. Обнаружить источники изменения старого мышления и образцов поведения еще только предстоит. Учитывая, что речь не идет о масштабной операции в рамках всего государства, мы могли бы говорить о возможностях проектирования будущего для отдельно взятого региона.

Список литературы

1. Бабосов Е.М. Антиэнтропийная направленность человеческого бытия и социальная энтропия // Социология. Минск: Белорусский государственный университет, 2011. № 1. С. 11 – 19.
2. Бюржель Ги. Умирает ли Париж? / Пер. с франц. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 176 с.
3. Департамент туризма Забайкалья планирует реализовать ряд крупных туристических проектов // ГТРК Чита – Вести: 19.01.16 / URL: <http://gtrkchita.ru/news/?id=3545> (Дата обращения: 06.06.17).
4. Для развития туризма в Забайкалье применили новую технологию планирования // Забайкальский рабочий. Выпуск № 232 от 11.12.2015 г. / URL: <http://забработчий.рф/news/86194> (Дата обращения: 05.06.17).
5. Забайкальский край // Министерство иностранных дел Российской Федерации: 13.02.17 / URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-zab/-/asset_publisher/WI74votjOpXX/content/id/2304406 (Дата обращения: 10.06.17).
6. Малышев Е.А., Бартош А.А. Проблемы и перспективы социально-экономического развития Забайкальского края // Социально-экономическое развитие регионов: проблемы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. Т.1. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2016. 230 с. С. 107 – 110.
7. Пухова М.М., Кривцова М.К., Цихоцкий Ф.Н., Свиридова Е.С. Опыт управления государственными корпорациями в зарубежных странах и его применение в России // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2014. Выпуск 4 (23), июль – август / URL: <http://naukovedenie.ru> (Дата обращения: 06.06.17).

8. Рорти Р. Обретая нашу страну: Политика левых в Америке XX века / Пер. с англ. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 128 с.
9. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю / URL: <http://chita.gks.ru> (Дата обращения: 07.06.17).
10. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / Пер. с франц. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
11. Участники форсайт-сессии спрогнозировали вымирание крупных турфирм Забайкалья к 2020 году // Чита.Ру: Городской портал / URL: <https://www.chita.ru/tur/81302> (Дата обращения: 05.06.17).
12. Шварц Д. Искусство мыслить масштабно. М.: Попурри, 2007. 304 с.
13. Яковенко И. Цивилизация и варварство в истории России // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 66 – 78.

III. ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

УДК 330

Е.Г. Черняк
Забайкальский государственный университет,
старший преподаватель
кафедры менеджмента
E-mail: chern_econ@gmail.com

Глобальные трансформации и суверенность: диалектика институциональной парадигмы

Аннотация: В статье проведен диалектический анализ теорий общественных изменений в условиях глобализации, инициирующей различные институциональные платформы во взаимодействии государств и наднациональных субъектов. Выявляется типология их концептуальных характеристик, задающих возможность выстраивания различных интеграционных конструкций в пространстве разнополярного мира.

Ключевые слова: «Глобализация», «Интеграция», «Суверенность».

E. G. Chernyak
Transbaikal state University,
senior lecturer Department of management
E-mail: chern_econ@gmail.com

Global transformation and sovereignty: dialectics of institutional paradigm

Annotation: The article contains a dialectical analysis of theories of social change in the context of globalization, which initiates various institutional platforms in the interaction of states and supranational actors. A typology of their conceptual characteristics that determine the possibility of aligning various integration structures in the space of a polarized world is revealed.

Keywords: "Globalization", "Integration", "Sovereignty".

Современные процессы глобализации актуализируют проблему взаимосвязей национальных правительств и транснациональных институтов с

позиций выстраивания новых схем сотрудничества. Дискурс переосмысления институциональной парадигмы акцентирует необходимость адекватной её концептуализации в смысле возможности пространственной референции, несущей взаимовыгодные структурные модели.

Тренд глобальных изменений экономических, политических и культурных связей задаётся интенсивным расширением и модернизацией сетевых коммуникационных систем, трансформирующих отношения к пространству и социальной организации. Человечеством создана платформа, постоянно иницирующая разнообразие трансграничного пространства, создающего предпосылки для институциональной реструктуризации. Констатируется формирование мирового социума, который требует «гибких» механизмов самоорганизации и регулирования общественных процессов.

Национальным государствам противопоставлены как уже оформленные глобальные институты, так и вновь создаваемые, обладающие авторитетом и властью: ООН, МОТ, ВОЗ, МВФ, Всемирный банк, Новый банк развития БРИКС, Международный Суд в Гааге, МОК, различные региональные экономические и политические ассоциации и транснациональные корпорации (ТНК). Формирование все большего количества наднациональных субъектов и их деятельность наряду с государствами, определяет перманентную инициацию разных форматов в международных отношениях, и прежде всего, в финансовой сфере глобальных трансакций. Во-первых – это вектор национальных «ощущений» от последствий Бреттон-Вудской системы конвертации «мировой валюты» – доллар, когда «поствестфальский» мир перешёл к свободному обмену. Во-вторых – рост темпов развития так называемой «виртуальной экономики», характеризующейся переходом на информационные мобильные технологии взаиморасчётов и ускоряющий перемещения других видов ресурсов: информационных, материальных активов, человеческих, и, иницирующей активность ТНК.

На фоне возрастающей капитализации транснациональных корпораций, чьи возможности превосходят многие государства, институциональный вектор экономических отношений смещен в сторону либерализации межгосударственного перемещения финансов, товаров, услуг, технологий и знаний. Наблюдается дальнейшее стремление к унификации норм и правил, регламентирующих деятельность хозяйствующих субъектов на глобальном рынке, неизбежно трансформирующее функции государств – регулирование внешнеэкономической деятельности, создание условий честной конкуренции, контроль за ценами, защита прав собственности.

Гомогенизация и унификация воплощаются в культурном феномене глобализационных процессов, что неизменно инициирует всё новые этические тренды делового общения в мире, неизбежно трансформируя отношения хозяйствования в государствах. Отмечается несколько форм их проявления – интернационализация образования, универсализация научных знаний, активизация распространения ценностей массовой культуры, расширение транснациональных форматов туризма и организации спортивных мероприятий, международных конференций и фестивалей, формирование транснациональных общественных движений. Как следствие, определяется культурная диффузия в виде заимствования ценностных платформ, инициирующее консьюмеризм, как экономическую платформу транснациональных отношений [7].

Говоря об истоках глобализации, секуляризованная культура постмодерна, форматы демократии, политическая толерантность, с одной стороны, и технологические возможности мгновенной связи и обмена информацией, перемещения огромных масс людей, с другой стороны, формируют культурный универсум, насыщенный процессами, определяемыми так называемой мультикультурализацией. Их последствия констатируются в двух аспектах. Прокламируемые ей ценности свободы перемещения и прав человека инициируют требования национальных групп на установление прозрачных границ и права присутствовать в поле любого

национально-культурного образования. С другой стороны, провал модели общечеловеческого русла массовой культуры, когда наблюдается постоянный конфликт иммигрантских групп с принимающим обществом на фоне противопоставления их нормативно-культурных систем – считывание культурных кодов происходит через призму собственных ментальных схем. Как отмечает Васильев Л.С., в результате культурное пространство национально-государственной территории размывается как единая система смысловых коммуникаций, образуются инокультурные лакуны, вызывающие разконсервацию национально-государственных образований.

Универсализация инициирует нововведения и создает формально идентичные платформы государственного регулирования социально-экономическими изменениями в национальных пространствах, которые подрывает приоритеты суверенитета [4].

Трансформация геополитической платформы как тренд глобальных изменений, рассуждения о государственной суверенности ориентирует на определение различных институциональных конструкций. В этом смысле, очевиден политический аспект, поскольку возможность новых схем кроется в ожиданиях дальнейшей перекройки глобальной политической системы «поствестфальского» мира. По словам Лебедевой М.М., в условиях доминанты «невестфальских» государств, критическая масса которых начинает превышать «вестфальские», вопрос о месте государств в современном мире становится значимым, поскольку важно определить какие из них смогут сосуществовать в будущем [14].

В этой связи, в исследованиях, обращает на себя внимание разнополярность трактовок процессов глобализации и возникающих эпистемологических затруднений. Детерминируются противоположенные идеи «объективных» и «субъективных» начал. Как отмечает Гранин Ю.Д., их специфика обусловлена концептуализацией в социальном познании научной картины мира, а также конкурентоспособностью исторических парадигм о

глобализации, в пределах которых эти начала интерпретируются различным образом [7].

С одной стороны, подразумевается бессубъектность феномена «универсального эволюционизма», задающего платформу «ориентализму», и претендующего на фундаментальную роль в репрезентации «цивилизационных» моделей развития мирового социума. С другой стороны, подчеркивается необходимость своевременного снятия абсолютизации объективных начал, возможности интерпретации социальной истории как платформы совместной деятельности, обеспечиваемой сознанием. Трансформация общества рассматривается как разносторонний исторический феномен, с течением времени меняющий формат. В этом контексте, исследования глобализации акцентированы на эволюцию интересов и форм сознания взаимодействующих субъектов, инициирующую пространственно-временные перемещения. Две концептуальные платформы задают своеобразие ролевых парадигм движущих сил общественных изменений.

Проблематизируется адекватность изменений такого формата, а вместе с этим интеграционных парадигм и возможности их феноменологической реинтерпретации. Факторный анализ теоретических выкладок транснациональных отношений позволяет выделить несколько классификаций их инициирующих начал. Концептуализация разнообразных дискурсивных площадок современности об интеграции, интернационализации, глобализации берет начало с середины XX в., и наиболее актуализировалась на рубеже XX – XXI веков, который признаётся началом новой эпохи миропорядка – Поствестфальской, заменой парадигмы суверенности и невмешательства принципами «мягкого» суверенитета.

Активизация поисков теорий изменений происходила на фоне последствий Второй мировой войны и детерминировалась необходимостью их референций в политическое и экономическое пространства для инициации источников экономического роста в послевоенных условиях, которые виделись многими в идее интеграции национальных экономик. Сразу

определилась проблематика интеграционного дискурса о прерогативах и полноте полномочий надгосударственных структур, которая противопоставила две научные парадигмы. Первая утверждала, что углубление и расширение интеграционных процессов, а также институционализация совместного экономико-политического процесса ведут к созданию многоуровневой системы управления, где государство теряет свою былую неприкосновенную суверенность. Другая же, наоборот – эти процессы усиливают национальное государство, предоставляя ему более совершенный инструмент для осуществления контроля.

С точки зрения институциональных теорий, речь идёт не только о соглашениях в контенте интересов и взаимного признания принципов международного права, но и об институциональных основах, наделяющих наднациональные акторы своими полномочиями, регламентом, штатом международных чиновников, включающим возможность принуждения и наказания. В догматах социальной организации будущего позиционируется принцип ненасильственного, взаимовыгодного проникновения, целью которого является создание неконфликтного общества на основе признания единой цивилизации при сохранении существующих национальных различий.

Основатель функционализма Митрани Д., в выдвинутой им концепции рамификации, «добровольное» формирование «новых» горизонтальных структур взаимодействия, определил необходимостью организацией функционального сотрудничества в общих сферах хозяйствования. В центре парадигмы функционализма – проблемы рассредоточения суверенитета решением неполитических задач, путем отказа государств от собственной политики и поиска общих интересов в конкретной отрасли их экономик. При этом «центр принятия решений» смещается в сторону наднациональных институтов. В послевоенной Европе функциональный подход нашел воплощение в виде «Плана Шумана», дав «старт» интеграции Европы с территориями Бельгии и Франции.

В аспекте «наднациональности» европейского формата прослеживалась, в свою очередь, ещё одна тенденция – политическая, предложенная, в то время Премьер-министром Великобритании Черчиллем У. Идея послевоенной европейской интеграции представлялась «политической» платформой, построенной на единой европейской культуре. Определился тезис «федерализма», когда сами национальные власти передают полномочия единому «центру управления», способному в дальнейшем регулировать экономические отношения. Примечательность федералистов в идее поступательной эволюционной интеграции, способной привести к единой европейской федерации.

Критика функционалистов федералистам – экономические факторы интеграции. Как отмечено в трудах Митрани Д. («Действующая система мира», «Перспектива интеграции: федерализм или функционализм»), преимущество состоит на концентрации всеобщего благосостояния. Именно трансграничность способна обеспечить формат действий надгосударственных служб в достижении этого.

Определяемые временем «ощущения» государственной безопасности породили идеи неофункционализма американского политолога Хааса Э., который пришёл к выводу о прерогативе государственных структур в разрешении проблем регионализации. Первоочередная задача правительств стран содружества – изначально создавать преференции именно экономического взаимодействия, а «регионалы» воплощают совместные проекты с учетом интересов местного населения. Тем самым создаются предпосылки для более благоприятных условий торговли, перемещения, концентрации капиталов и рабочей силы. Такого рода протекционизм может не считаться негативом для мировой экономики, если только интегрирующие страны, упрощая экономические связи, не устанавливают барьеры для третьих стран. Функциональное экономическое расширение, по мнению Хааса, неизбежно ведёт к поступательной политизации целей акторов, определяемой формированием наднациональных элит, основная функция

которых – контроль. Концептуально формат такой институциональной паттерны был поддержан многими, как сторонниками реалистической школы. Основная идея – интеграционные процессы регламентируются национальными государствами, делегирующие полномочия формируемым ими же наднациональным конструкциям [16]. В 90-ые годы, концепция «национальной платформы» межправительственных отношений была поддержана некоторыми представителями «либерализма» – Гарретом Г. и Моравчиком Э., представивших консенсусную институциональную структуру, где с одной стороны учитывается национальная политика, с другой, в межгосударственных отношениях признаётся договорная основа соглашений посредством политического торга. Однако их взгляды подвергались критике «неофункционалистов» за формальность принятия решений в правительствах, ведущую к разобщенности и разносторонности в подходах к интеграции.

Репрезентация ещё одной волны интеграционных теорий определилась с середины 60-ых годов XX в. на фоне последствий Бреттон-Вудской системы и возникает из дискурса глобализации общественных изменений. Исходная база для размышлений – возможность пространственной референции концепций смены социальной организации на основе соотношения «глобальное – локальное».

Изначально, дискурс глобальных изменений концептуализировался на платформе феномена мировой системы как совокупности «интернациональных» взаимосвязей между национальными государствами (Бродель Ф., Валлерстайн И., Франк А., Амин С., Арриги Дж., Фурсов А., Коротяев А.). Согласно модели миро-системы (мир-экономики), эти связи инициируют изменения в мировом социуме на основе международного разделения труда с интегрированными производственными структурами и исходя из межгосударственного баланса интересов и сил. Глобальные трансформации могут инициироваться хозяйственными отношениями трёх уровней: внутри центра – отношения кооперации и конкуренции; центр и

периферия – отношения эксплуатации и зависимости; центр – периферия – полупериферия – смешанный тип отношений. Парадигма мир-системного анализа рассматривает их как процессы капиталистической экономики, эмпирически фиксируемые определёнными этапами: зарождение – подъем – кризис [3]. На фоне кризиса начала 70-ых годов XX в. понятие «глобализация» отвергается последователями концепции мир-экономики, поскольку определена разнотипность отношений хозяйствования внутри государств и в интернациональном поле (вне государственных границ): в транснациональном пространстве – интернациональные связи с тенденцией роста межгосударственной торговли и межправительственных организаций; на государственном уровне – гомогенность институциональных структур и определённость организации общественных отношений; в «субнациональном» поле – изменения не учитываются.

Детализация локальных изменений учтена в моделях глобальной системы, поскольку их авторы и последователи актуализируют транснациональные отношения как серию аналогичных, однотипных тенденций на разных уровнях институциональной системы, формирующих глобальную систему взаимосвязей и взаимозависимости между локальными единицами. По мнению основателей концепции Склэра Л. и Гидденса Э. (середина 60-ых – начало 70-ых гг.), дихотомия расширяющегося пространства изменений включает глобальность социальной организации в «интернациональном» или «транснациональном» поле, а также понятие «локальность» в контексте национальных государств и субнационального уровня изменений. Транснациональность рассматривается из трех составляющих уровней, изменяющих глобальное пространство посредством их базовых институционализаций: экономический – транснациональные корпорации; политический – транснациональные элиты; культурный – консьюмеризм, как идеологизированная платформа наращивания прагматологических площадок роста обществ потребления. С этой точки зрения, авторы рассматривают глобализацию как формирование

транснационального капитализма, размывающего государственные границы [6].

Таким образом, в рамках мир-системных теорий глобальные трансформации, основанные на международных отношениях в экономической сфере, рассматриваются как высший уровень интернационализации.

Размышления о пространстве неизбежно продуцируют нарратив времени. Возникает поле аксиологического дискурса, задаваемое концепциями Робертсона Р. и Бека У. (середина 80-ых и начало 90-ых годов XX в.). Модель «систематизации» мира Робертсона Р. детерминирует культурологический аспект глобализма. Размышления основываются на приоритете формирования сознания индивидов, «ощущающих» глобальность текущего существования в «едином социокультурном месте». Выделяется два аспекта глобализации: глобальная взаимозависимость и глобальное сознание. Понимание сознания и деятельности индивидов определяет глобальную институционализацию жизненного мира и локализацию глобальности. Первая трактуется как повседневные локальные взаимодействия и социализация прямым воздействием «макроструктур мирового порядка» под действием следующих факторов: экспансия капитализма; «западный» империализм и глобальные масс-медиа. При этом жизненный мир индивидов в локальности подвергнут экспансии «общемировых ценностей» посредством диффузии стандартных символов и образцов взаимоотношений между людьми глобальными коммуникационными сетями. Второй тренд понимания глобализации исходит из рутинной практики включения в повседневность инонациональных «экзотических» локальных культур.

«Мультикультурализм» локальности определяет поле «столкновения цивилизаций» и превращает «субнациональность» в вектор ощущения повседневности переживания глобального, так называемая «глокализация». Робертсоном Р. задается парадигма изменений, основанных на структурной

гомогенности и социальной гетерогенности как единство разнородных эмпирически фиксируемых единиц [1].

Платформа понимания глобализации Робертсона Р. инициировала тезис модернизации глобальности, включающую категорию транснационального пространства Бека У., формируемого не связанными границами «повседневными действиями» в разных измерениях экономики, политики, культуры и экологии. В экономике – это наступление дезорганизованного капитализма, определяющегося безконтрольной со стороны государств деятельностью транснациональных корпораций. В политике – размывание суверенитета государств под воздействием транснациональных акторов. В культуре – это глокализация как взаимодействие локальных культур. Бек задаёт концепцию общества новых глобальных рисков, объединяющих людей, помимо их воли и независимо от географического и социального положения. Дифференцируются три уровня опасностей: экологические катастрофы, обусловленные научно-техническим прогрессом – озоновые дыры, промышленные загрязнения, парниковый эффект; катаклизмы, связанные с низким уровнем развития государств – истребление лесов, дефицит питьевой воды, отсутствие инфраструктуры; катастрофы, связанные с использованием оружия массового поражения. Риски инициируют транснациональные социальные изменения и определяют институционализацию общественной жизни в форме международных конвенций и создания межгосударственных ассоциаций, формируя единое многомерное, полицентричное социальное пространство. Трансформация общества риска трактуется Беком как эпоха «второй современности» [1].

В моделях Бодрийера Ж. Аппадурои А., Уотерса М. (конец 80-ых – середина 90-ых годов) феноменологический примат глобализации акцентирован детерриториализацией – как восприятие утраты привязки социальных процессов к физическому пространству. Нарастание постмодернистского семиозиса социальной организации изначально акцентировалось концепцией симулякров Бодрийера Ж., определяющей

современность эпохой гиперреальности, где отношения «социум – индивид» репрезентируются потоком симулятивных феноменов, уничтожающих восприятие реальности. Как тренд глобализации, гиперреальность формируется массой пространств-потоков симулякров: эконопространство – поток симулякров в виде денег, товаров и услуг, стоимости и различных активов; медиапространство – поток информации; досуг-пространство – перенос симулякров туризма, отдыха, развлечений и впечатлений; этнопространство, формируемое симулякрами этнической идентичности; сакропространство – поток симулякров религиозности [8].

В концепции «воображаемых миров» Аппадурои А. тренды изменений определены понятием «глобальный культурный поток». Он включает пять пространств изменений: этнопространство – поток туристов, беженцев, иммигрантов, гастарбайтеров; финансовое пространство – поток капиталов; технопространство – поток технологий; медиапространство – поток образов; идеопространство – поток идеологий. Взаимодействие в поле «воображаемых миров» характеризуется символическими обмена. По сути, автором трактуется два типа структуры чувствования, продуцирующей специфические формы интенциональной деятельности и материальные эффекты. Локальность, характеризующаяся общинной солидарностью, культурной идентичностью, религиозным фундаментализмом создается из тех же образов, которые формируют глобальность. То есть локальность современности так же детерриториализованна, как и глобальность [10].

Экспансия символических обменов рассматривается и в работах Уотерса М., также концептуализирующих отношения между социальной организацией и территориальностью как основу глобальных трендов. Оно выражается в каждый момент общественного развития тремя типами обмена: экономическим (материальным), политическим и символическим. Материальный обмен локализует социальные отношения: воспроизводство предполагает концентрацию активов, рабочей силы и организацию менеджмента в одном месте. Политический обмен интернационализован

как территориальная экспансия социальных отношений, предполагающая власть как контроль над населением территорий и гарантия суверенности, получаемая посредством взаимодействия с институтом власти за пределами территории. Символический обмен рассматривается как процесс трансляции эстетических и интеллектуальных символов между территориально удалёнными общественными группами. Модель Уотерса М. определяет преобладание культуры над экономикой и политикой, которые глобализируются в той мере, в какой они пронизываются символическими обменами. Финансовый рынок и потребление, основанные на принципах консьюмеризма в большей степени подвержены глобализации, чем рынок труда и производство, поскольку там преобладает «символическое опосредствование» отношений. Там, где проблематизируются ценности, а не материальные интересы, глобализуется политика: осознание глобальных проблем прав человека, сохранения мира, экологии, справедливого распределения ресурсов приводит к делегитимизации государств и росту числа международных организаций [5].

Идеи постмодернистской культурализации второй половины XX в. актуализируют транскультурные аспекты глобальности, определяя последовательность реинтерпретации парадигмы изменений – от пространственно-физикалистской линии до «метафорики» непространственности, детерриториализации, нематериальности и символичности. Расширение феноменологического аспекта указывает на проблематику их референтности в перспективе, в связи с постоянно меняющимися экономической и политической ситуациями. Такая очевидность особо четко концептуализировалась к концу XX в. в виде дискурсов о виртуализации и смене доминирующих центров в глобальном пространстве.

Первая «площадка» рассуждений была обусловлена императивом анализа эволюции теорий глобальных изменений и основана на идее адаптировать их тенденциями, так называемой гиперглобализации (или

постглобализации), основной тренд которой – ускоряющаяся виртуализация экономической деятельности. Переход общественных взаимодействий в виртуальное пространство в исследованиях понимался как замещение реальности симулятивными образами на основе IT-технологий в экономике, в политическом поле взаимодействий и в культурно-идеологическом пространстве. Используемый термин «виртуальная экономика» подразумевал два аспекта специфики хозяйствования: транзакции посредством интернета и нарастание спекулятивных сделок на мировых фондовых биржах, т.е. возможности извлекать огромную прибыль в более короткий срок, пренебрегая инвестициями в материальный сектор. Виртуализация политики характеризуется трансформацией PR-технологий на основе активизации использования в агитации web-страниц, проведения пресс-конференций и выступлений политиков через интернет и телевидение. Культурное пространство насыщается идеями «мультикультурализма» и инициирует консьюмеризм [13;14]. Причём такая репрезентация феномена глобальных трансформаций наполняется психологическим аспектом – всеобщим стремлением заменить ощущения дефицита реальности информационно-технологическими симулятивами. Акцентирование виртуальности становится существенным трендом формирования концепций глобальности, а с учетом ускоряющейся модернизации сетевых и мобильных технологий все более актуализируется на современном этапе изменений.

Императив деполяризации доминирующих центров акцентирован в исследованиях Балканским сломом геополитической среды в конце XX-го столетия и связывается с временной утратой феномена полюсного противостояния и началом «Поствестфальской» эпохи. Констатируется формирование новых принципов мирового порядка, породившее трансформацию филадельфийской системы демократии, требования которой приобрели особую значимость. Определился нарратив осмысления глобализации и экономического господства, связанный с новыми взглядами

на форматы транснациональных отношений, и, распадающийся на два концептуальных направления теории глобального тренда будущего.

Первое связывается с победой либерализма в мировом масштабе, и основано на «ощущениях» Западом распада марксистской идеологической ортодоксии, инициируемых предсказаниями в докладах Римскому клубу ещё на протяжении 70-80-ых годов XX в.: «Глобальный 2000-ый», концепция «конца мира» Фукуямы Ф., алармизм «Пределов роста» Медоуза Д., сценарии «органического роста» Месаревича М. и Пестеля Э., проект перестройки структуры мировой экономики Тинбергера Я.

Феноменологическая эволюция глобализационной парадигмы исходит от устранения принципа государственной суверенности и позиционирует принципы ограниченного или мягкого суверенитета. Механизмы их реализации – права человека, свобода предпринимательской деятельности, идеи мультикультурализма и консьюмеризма. Платформа субъективных начал их реализации – ощущения несправедливости глобального распределения и использования ресурсов. Закрепляется базовая идея необходимости установления международного протектората или внешнего управления над государствами «банкротами» (или «государствами-неудачниками»), прокламирующая экономическую и политическую несостоятельность их политиков, склонных к авторитаризму, и, политический инфантилизм населения, неспособного к адекватному восприятию демократии и реализации своих прав. Ее генерализация нашла воплощение в традиционно известной схеме: развитие ментальности нарушения прав человека или ядерной угрозы – создание правового поля для устранения руководства (решения Международного суда в Гааге) – установление протектората («гуманитарные интервенции»; «бархатные революции»; военные компании). Доминантная идея – «универсальный эволюционизм», разделяющий пространство мира на «центр» и «периферию», вынужденно усваивающую научно-технические, экономические, политические достижения и культурные стандарты Запада.

Осмысление формата доминирования становится ядром размышления о концептуализации теорий тренда изменений. Возникает вопрос о состоятельности радикальных идеологических платформ – неомарксизма и неолиберализма. По словам Дж. Арриги, «...есть поучительная ирония в том, что распад одной идеологической ортодоксии привёл к бурной колонизации интеллектуального пространства ортодоксией противоположенного знака». Наступление мыслей Фукуямы в концепции «конца истории» наталкиваются на позиции осознания суверенности территорий Евразии и Латинской Америки. Констатируется рождение понимания нового космополитизма, основанного не на признании унифицирующей роли Запада или антибуржуазных коммунистических идей, а на идеях глобальной взаимозависимости национальных государств [11;15].

Ключевым моментом таких национальных стратегий определяется мера сочетания универсалистских и собственных форм модернизации. С одной стороны, подчёркивается идея о том, что национальные государства претерпят внутреннюю глобализацию и сознательно перейдут на космополитические позиции, тем самым инициировав создание новых институтов гражданского общества. С другой стороны, мысль о невозможности игнорировать «новые капитализмы» в Азии, Латинской Америки, России, где возлагаются надежды на национальный характер экономик, который будет гарантом их этической приемлемости. В этом контексте, космополитизация государства – это не его исчезновение, а появление новых функционалов, создающих новые форматы интеграции. При этом, подчёркивается нарастание требований суверенитета народов, не удовлетворённых своим статусом в системе различного рода объединений. Пример первого варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовав западные стандарты экономической и политической организации без потери национальной идентичности. На фоне противостояния оккупационного режима США стратегией дезинтеграции коллективных структур, не культура адаптировалась к задачам модернизации, а

руководящие элиты. Не меняясь социокультурно, Япония провела технологическую революцию. Другой пример этого пути развития – Китай, осваивающий экономические и технологические достижения Запада, радикально не меняя социально-политические форматы. «Дается образец развития на основе собственной, а не западной рациональности. В рациональности политический класс и особенно бюрократия – не просто носители функций, а прежде всего патриоты... Рациональность здесь ... конфуцианское, сочетающееся с долей политического прагматизма» [7;9;12] .

«Успешность» адаптации прочих стран к глобализации современности констатируется как возможностью приспособливаться к ней, так и возможностью выработки собственной национальной стратегии. У одних прагматично – аравийские монархии, у других – новые форматы «взаимодействия» – британский брексит, у третьих – менее успешно – страны экваториальной Африки.

Национализм и космополитизм задают новые платформы организации власти, тем самым определяя разносторонние шансы в глобальной социально-политической игре. Задается новая парадигма глобализированных моделей социального сотрудничества, где роль государства не устраняется, а имеет власть на внутренней территории, и подотчётна сообществу международных организаций.

Список литературы

1. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьев и В. Седельник; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
2. Бжежинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004.
4. Васильев Л.С. Законы эволюции и проблемы человечества / Лаборатория сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ. М., 2011.

5. Волков Т.П. Социально-философские аспекты современной глобализации и проблема трансформации культуры: диссертация кандидата философских наук: 09.00.11 / Волков Тимофей Павлович; [Место защиты: Современ. гуманитар. акад.]. М., 2010.
6. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
7. Гранин Ю.Д. Глобализация: «вестернизация» и альтернативные формы глобальных стратегий // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. «Перспективы. Электронный журнал». 2017. № 2 (10).
8. Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, 17–18 мая 2012 г. Т. 1: Доклады. СПб.: СПбГУП, 2012.
9. Зубенко В.В, Игнатова. О.В. Глобализация мировой экономики: вызовы и ориентиры: Монография: Научная книга, 2012.
10. Кирьянова Л.Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений. Томск: Дельтаплан, 2007.
11. Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4.
12. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М.: Академия – Наука, 1999.
13. Кирьянова Л.Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений. Томск: Дельтаплан, 2007.
14. Лебедева М.М. Мировая политика: тенденции развития // Полис. Политические исследования. 2009. № 4.
15. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. Левина М.Б. М.: «Ид-во АСТ», 2004.

IV. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Редакция «Софияполис» продолжает публикацию статей и материалов, подготовленных к V Международной научно-практической конференции «Русский язык в современном Китае». Забайкальский государственный университет, Хулуьбуирский институт (г. Хайлар, КНР). 15-17 апреля 2017. Чита – Хайлар.

УДК 378

О.И. Акифи
Белгородский государственный технологический
университет им. В.Г. Шухова,
доцент кафедры русского языка и естественных дисциплин,
кандидат филологических наук
К.С. Позднякова
Белгородский государственный технологический
университет им. В.Г. Шухова,
доцент кафедры русского языка и естественных дисциплин,
кандидат филологических наук
E-mail: Pozdniakova_k@mail.ru

Межкультурная коммуникация как средство социокультурной адаптации иностранных граждан

Аннотация: В статье рассматриваются основные аспекты социокультурной адаптации иностранных граждан, применяемые на подготовительном факультете для иностранных граждан БГТУ им. В.Г. Шухова. Основное внимание уделяется внеаудиторной работе, потому что она во многом способствует не только сплочению многонационального коллектива, но и помогает развить чувства взаимовыручки, нравственности и патриотизма среди представителей разных стран.

Ключевые слова: Межкультурная коммуникация, социокультурная адаптация, внеаудиторная работа, толерантность, нравственность, духовность.

O.I. Acifi
Belgorod state technological University. V. G. Shukhov,
associate Professor of Russian language and natural Sciences,
candidate of philological Sciences

K.S. Pozdnyakov
Belgorod state technological University. V. G. Shukhov,
associate Professor of Russian language and natural Sciences,
candidate of philological Sciences
E-mail: Pozdniakova_k@mail.ru

Intercultural communication as a means of socio-cultural adaptation of foreign citizens

Annotation: The article examines the main aspects of socio-cultural adaptation of foreign citizens, applied at the preparatory faculty for foreign citizens of BSTU. V.G. Shukhova. The main attention is paid to out-of-class work, because it greatly contributes not only to the consolidation of the multinational team, but also helps to develop the feelings of mutual assistance, morality and patriotism among representatives of different countries.

Key words: Intercultural communication, socio-cultural adaptation, out-of-class work, tolerance, morality, spirituality.

На подготовительном факультете для иностранных граждан БГТУ им. В.Г. Шухова большое значение уделяется социокультурной адаптации и воспитанию нравственности, духовности. В современной социологии социальная адаптация в большинстве случаев понимается как такой социальный процесс, в котором и адаптант (личность, социальная группа), и социальная среда являются адаптивно-адаптирующими системами, то есть активно взаимодействуют, оказывают активное воздействие друг на друга в процессе социальной адаптации [1, с. 60]. Это достигается путем интеграции культур. Для реализации этой задачи администрация и преподаватели ПФИ организуют и проводят следующие мероприятия:

1. Дни национальных культур
2. Посещение музеев и выставок Белгорода и Белгородской области.
3. Занятия в вокальной студии.
4. Проведение совместных мероприятий с детскими садами и школами города.

5. Знакомство с национальными русскими праздниками, традициями и обычаями.

Дни национальных культур

На подготовительном факультете для иностранных граждан ежегодно празднуются дни национальных культур. Для этого организуются выставки-презентации, где русские студенты могут окунуться в культуру таких далеких и малознакомых стран, как Ангола, Замбия, Китай и др. На подобных мероприятиях можно не только увидеть национальную одежду и предметы быта, но и попробовать себя в танцах. Слушатели ПФИ с радостью учат всех желающих танцевальным па. Таким образом, проведение дней национальных культур не только помогает познакомить русских студентов с культурой других стран, но и помогает наладить межнациональное общение. Часто после таких встреч у иностранных граждан появляется много новых друзей.

Посещение музеев и выставок Белгорода и Белгородской области

Одной из составляющих патриотического воспитания и интеграции иностранных студентов в русскую культуру является посещение музеев и музейно-исторических комплексов. Тематически организованные экспозиции, позволяющие на время реконструировать в воображении и на эмоциональном уровне определенные исторические моменты, дают более полноценное восприятие и предоставляют возможность иностранным слушателям в прямом смысле увидеть величие нашей страны.

Несомненно, ознакомление с Россией и культурно-патриотическое воспитание следует начинать с исторических корней, красоты русского костюма, быта и фольклора. Для достижения этой цели преподавателями подготовительного факультета во главе с доцентом, кандидатом педагогических наук Легочкиной Е.Н. разработаны программы посещения музея народной культуры, музейно-исторического комплекса «Ключи» (деревня «Кострома»).

Музей народной культуры предлагает постоянную экспозицию и различные мастер-классы. Известно, что человек обладает рядом

познавательных способностей: визуальными, аудиальными и тактильными, учитывая это на подготовительном факультете привитие русской культуры происходит с привлечением всех познавательных каналов. В музее народной культуры иностранные студенты могут не просто посмотреть особенности русского костюма и быта, услышать о традициях, верованиях и особенностях жизни русского человека, но и прикоснуться к старинным традициям и обычаям. Иностранцы проникаются гостеприимством русского народа, трудолюбием и обычаями, богатством фольклора и многосмысленностью костюма. Несомненно, это воспитывает уважение к русской культуре, а как следствие и уважение к нашей стране, ее законам и порядкам. К концу экскурсии предлагается мастер-класс. На занятии каждый изготавливает куклу-оберег с соблюдением старинных традиций. Под руководством работника музея, перемежая живой беседой с преподавателями о русских обычаях, каждый делает себе небольшой оберег, который забирает с собой. Таким образом, часть русской культуры становится ближе каждому иностранцу. Какой бы стране, культуре, вероисповеданию не принадлежал человек, каждый вкладывает душу в традиционную русскую куклу и верит, что она будет хранить его.

Мы уверены, что вкладывая свою душу в создание оберега, осмысливая при этом увиденные экспонаты и прослушанную историю о русском быте, задавая вопросы преподавателю и еще больше понимая особенности традиций и культуры России, иностранные граждане станут не просто теплее относиться к стране, в которой они учатся, но и смогут почувствовать некоторую свою принадлежность к этой культуре.

Посещение музейно-исторического комплекса «Ключи» позволяет не только приблизиться к русской деревенской жизни и узнать ремесленные и бытовые традиции, но и принять участие в небольших обрядах и поверить в русскую культуру. Педагогическим коллективом подготовительного факультета для иностранных граждан выбран этот музейный комплекс, потому что с самого начала можно привлечь к русской культуре: пройти

вокруг плакучей ивы, чтобы не было слез, пробежать извилистую дорогу в гору для долгих лет жизни, окунуться в ледяную купель для здоровья. Вовлекаясь в эту игру, иностранные учащиеся с еще большим интересом заходят в избы, рассматривают убранство, слушают рассказы о том, как жили в русской деревне, начинают сравнивать с бытом своих стран. Несомненно, это все делает Россию ближе к каждому, каждый начинает бережнее относиться к окружающему, потому что чувствуют себя немного ее частью, приближая свой патриотизм к любви к России.

Конечно, не стоит забывать и о военных подвигах нашей страны. Известно, что в некоторых странах события второй мировой войны изображены иначе, с несколько преуменьшенной ролью России в победе над фашистской Германией. В связи с этим, особое внимание в патриотическом воспитании на подготовительном факультете уделяется ознакомлению с событиями второй мировой войны. В Белгороде эту важную, для развития патриотизма тему можно изучить в музее-диораме «Курская битва. Белгородское направление», государственном военно-историческом музее-заповеднике «Прохоровское поле».

Ознакомление начинается с диорамы, где иностранные студенты получают общее представление о подвиге советской армии, видят оружие, огромное панорамное полотно, знакомятся со знаменитой песней «Катюша», которую многие любят и знают. Познакомившись с полной картиной войны, преподавателями подготовительного факультета БГТУ им. В.Г.Шухова предлагается посетить звонницу, где величие побед в трех великих сражениях проникает в душу каждого иностранца со звоном колоколов.

Таким образом, слушатели подготовительного факультета могут ощутить богатство и величие России во все времена и уважать страну, которая дает им образование.

Занятия в вокальной студии

Администрация ПФИ приветствует участие иностранных граждан в жизни университета. Таким образом, слушатели подготовительного

факультета для иностранных граждан не только учатся, но и имеют возможность для самовыражения. Одним из направлений внеаудиторной работы является посещение вокальной студии. Каждый год талантливые ребята и девушки защищают честь не только факультета, но и университета и города на различных вокальных конкурсах. Ежегодно слушатели ПФИ принимают активное участие в межвузовском конкурсе «Студенческая весна» и занимают призовые места. А в 2011-2012 учебном году слушатели ПФИ с песней «Вечер на рейде» приняли участие в 16-м Международном фестивале-конкурсе солдатской и военно-патриотической песни молодежи стран СНГ «Афганский ветер», который состоялся в г. Старый Оскол, и получили грамоты лауреатов первой степени.

Занятия в вокальной студии помогают слушателям ПФИ не только выразить свои чувства и эмоции в песне, но и способствуют «раскрытию» души каждого слушателя. При этом руководитель вокальной студии Танделов У.М. предлагает для выступлений песни, наполненные глубоким патриотическим пафосом, которые помогают развитию духовности. Это «Катюша», «Подмосковные вечера», «Ой, то не вечер», «Вечер на рейде», «Соловьи» и др. С этими вокальными композициями слушатели ПФИ не раз занимали призовые места, как на университетском, так и на городском уровнях. Усваивая русскую культуру, иностранные студенты знакомят остальных студентов и с национальной музыкой своих стран, что способствует интеграции культур на аудиальном уровне. Узнавая через русские песни историю и культуру России, слушатели ПФИ могут сравнить историю и культуру своей страны со страной, в которой им предстоит учиться не один год. Они с большим удовольствием ходят на репетиции и выступают на концертах. В условиях современного мира это очень важно, поскольку они для себя делают выбор в сторону духовности и нравственности и не идут проводить время на улице и в ночных клубах. Как правило, все слушатели ПФИ, посещающие вокальную студию, за обучение

на ПФИ не получают замечаний со стороны администрации университета и администрации общежития.

*Проведение совместных мероприятий
с детскими садами и школами города*

Для того, чтобы полностью адаптировать иностранных граждан к условиям проживания в чужой для них стране, деканом подготовительного факультета для иностранных граждан Е.Н. Легочкиной было принято решение об ознакомлении слушателей ПФИ с системой образования Российской Федерации. Для этого были заключены договоры о взаимном сотрудничестве с образовательными учреждениями Белгорода (детские сады №№ 5, 11, гимназия № 12). В рамках этих договоров проводятся совместные мероприятия, позволяющие не только ознакомить слушателей ПФИ с российской системой образования, но и воспитать толерантность среди подрастающего поколения, что в последнее время становится крайне необходимым в условиях современной действительности.

С детскими садами проводятся различные праздники, носящие в основном развлекательный характер, однако подразумевающий понимание культуры России в игровой форме. Иностранные гости объединяются с детьми для решения общей задачи в различных состязаниях. В рамках образовательной и воспитательной программ подготовительного факультета данные мероприятия, помимо обозначенных задач, несут на себе функцию преодоления иностранцами некоторого эмоционального зажима.

Не всегда иностранных граждан встречают с радушием, что часто вызывает либо ответную негативную реакцию, либо психологический блок и депрессию. Ни первый, ни второй вариант не способствуют расположению к стране. Именно поэтому и организуются такие веселые встречи с маленькими детьми, которые показывают дружелюбно настроенных детей и располагают иностранцев к более теплоте отношению к русским людям, к более активному общению с ними, пробуждению познавательных процессов.

В гимназию № 12 слушателей ПФИ приглашают на проводимые недели английского языка. Школьники проводят для слушателей экскурсию на английском языке по учебному заведению. После этого иностранные граждане демонстрируют презентации своих стран, знакомя с культурой, традициями и обычаями своей родины. Таким образом, получается двустороннее сотрудничество. С одной стороны, школьники имеют возможность попрактиковать английский язык с представителями носителей этого языка и увидеть, что на планете Земля много людей и все они разные и по цвету кожи, и по складу характера. И нельзя только лишь по цвету кожи делать выводы о нации. Слушатели ПФИ, в свою очередь, имеют возможность окунуться в атмосферу школы, вспомнить свою учебу, рассказать школьникам о своей стране. Обычно в рамках этих мероприятий школьники и слушатели ПФИ обмениваются телефонами и в будущем стараются всячески помогать друг другу, что имеет большой педагогический и нравственный эффект.

Знакомство с национальными русскими праздниками, традициями и обычаями

Как уже отмечалось, слушателей ПФИ знакомят с русскими традициями и обычаями, посещая музеи, в которых иностранные граждане могут поближе познакомиться с культурой России. Но администрация ПФИ во главе с Легочкиной Е.Н. решила не ограничиваться только посещением музеев. В течение года иностранных для иностранных граждан администрация ПФИ и кураторы групп организуют и проводят мероприятия, посвященные национальным русским праздникам, – Новый год, Святки, Старый новый год, Масленица.

На Новый год «в гости» к слушателям ПФИ приходят Дед Мороз и Снегурочка, которые в игровой форме демонстрируют национальные русские забавы, которые традиционно проводили русские девушки и юноши. Иностранные студенты с большим удовольствием участвуют в конкурсах, водят хороводы и поют «В лесу родилась елочка».

На Святки преподаватели ПФИ проводят гадания со студентами, обучают русским народным песням и танцам. В игровой форме полученная информация усваивается быстрее, и словарный запас слушателей ПФИ пополняется новой лексикой.

Старый новый год проходит традиционно – кураторы групп учат иностранных граждан лепить вареники с сюрпризами. В такой неформальной обстановке налаживается доверительное отношение студента к преподавателю, что способствует возможности повлиять и даже подкорректировать поведение некоторых слушателей.

На Масленицу проводится выездная экскурсия на праздничные гуляния города. Слушатели ПФИ с интересом не только наблюдают за происходящим, но и принимают самое активное участие в национальных русских играх, песнях и танцах. На таких мероприятиях они имеют возможность поближе познакомиться и с русской кухней: с большим аппетитом они едят кашу и блины – незаменимыми угощениями во время масленичного застолья.

Таким образом, такие формы внеаудиторной работы способствуют не только сплочению многонационального коллектива, но и помогают развить чувства взаимовыручки, нравственности и патриотизма среди таких разных представителей далеких стран.

Список литературы

1. Аркатова О.Г. Специфика социокультурной адаптации // Диагностика и прогнозирование социальных процессов: материалы междунр. науч.-практ. конф. в 2-х ч. (Белгород, 27-28 окт. 2016 г.) / Белгор. гос. технол. ун-т; отв.ред. Н.С.Данакин, В.Ш.Гузаиров, И.В.Шавырина. Белгород: изд-во: БГТУ, 2016. Ч.1. С. 60-66.

С.А. Булгакова
Белгородский государственный технологический
университет им. В.Г.Шухова,
старший преподаватель русского языка как иностранного
E-mail: svetlanka-b@mail.ru

**Этническая идентичность: влияние на толерантное поведение в
межэтнической коммуникации**

Аннотация: В статье рассматривается проблема толерантного поведения на основе сформированного типа этнической идентичности. В работе дается теоретический анализ данной проблемы. Так же на основе проведенного анкетирования представляются конкретные данные по ситуации среди русских студентов и преподавателей.

Ключевые слова: Народ; тип этнической идентичности; толерантность; толерантное поведение.

S.A. Bulgakova
Belgorod state technological University. V. G. Shukhov,
senior lecturer of Russian as a foreign language
E-mail: svetlanka-b@mail.ru

Ethnic identity: impact on tolerant behavior in interethnic communication

Annotation: The article deals with the problem of tolerant behavior based on the formed type of ethnic identity. The paper gives a theoretical analysis of this problem. Also on the basis of the questionnaire survey, specific data are presented on the situation among Russian students and teachers.

Key words: Ethnos; type of ethnic identity; tolerance; tolerant behavior.

Этническая общность – это группа людей, которые связаны между собой общим происхождением и длительным совместным существованием. Характерными признаками этнической общности являются язык, особенности бытовой культуры, обычаи и традиции. Эти признаки воспроизводятся в этническом самосознании народа, в котором он сознает свое единство, прежде всего – общность своего происхождения и тем самым свое этническое родство.

В то же время один народ отличает себя от других народов, которым свойственны свое происхождение, свой язык и своя культура [3, с. 149]. Таким образом, происходит этническая идентификация, т.е. понимание и осознанное принятие своей принадлежности к конкретной этнической общности.

Является очевидным тот факт, при столь глубоком принятии себя как части этнической общности, происходит отвержение факта существования других этнических общностей, их культуры и традиций. При совместном проживании на одной территории, при ежедневных социальных контактах такое принятие себя и непринятие других людей может спровоцировать различного рода конфликты. Чтобы избежать их, от каждого из людей требуется максимальная тактичность, осторожность, терпимость и вместе с тем открытость и доброжелательность в отношении представителей других национальностей [2, с. 79]. Другими словами, толерантное поведение по отношению к представителям других этнических общностей, проживающих на одной территории, способно, если не искоренить, то минимизировать количество конфликтов и проблемы, возникающих на этнической почве.

Для определения уровня этнической толерантности была выбрана методика «Тип этнической идентичности», разработанная Солдатовой Г.У. и Рыжовой С.В. Данная методическая разработка позволяет диагностировать этническое самосознание и его трансформации в условиях межэтнической напряженности. Один из показателей трансформации этнической идентичности – это рост этнической нетерпимости (интолерантности). Толерантность/интолерантность – главная проблема межэтнических отношений в условиях роста напряженности между народами – явилась ключевой психологической переменной при конструировании данного опросника. Степень этнической толерантности респондента оценивается на основе следующих критериев: уровня «негативизма» в отношении собственной и других этнических групп, порога эмоционального

реагирования на иноэтническое окружение, выраженности агрессивных и враждебных реакций в отношении к другим групп.

Опросник содержит шесть шкал, которые соответствуют следующим типам этнической идентичности.

1. *Этнонигилизм* – одна из форм гиподентичности, представляющая собой отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально–психологических ниш не по этническому критерию.

2. *Этническая индифферентность* – размывание этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности.

3. *Норма* (позитивная этническая идентичность) – сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. В полиэтничном обществе позитивная этническая идентичность имеет характер нормы и свойственна подавляющему большинству. Она задает такой оптимальный баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельности и стабильного существования этнической группы, с другой – как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтничном мире.

Усиление деструктивности в межэтнических отношениях обусловлено трансформациями этнического самосознания по типу гиперидентичности, которая соответствует в опроснике трем шкалам:

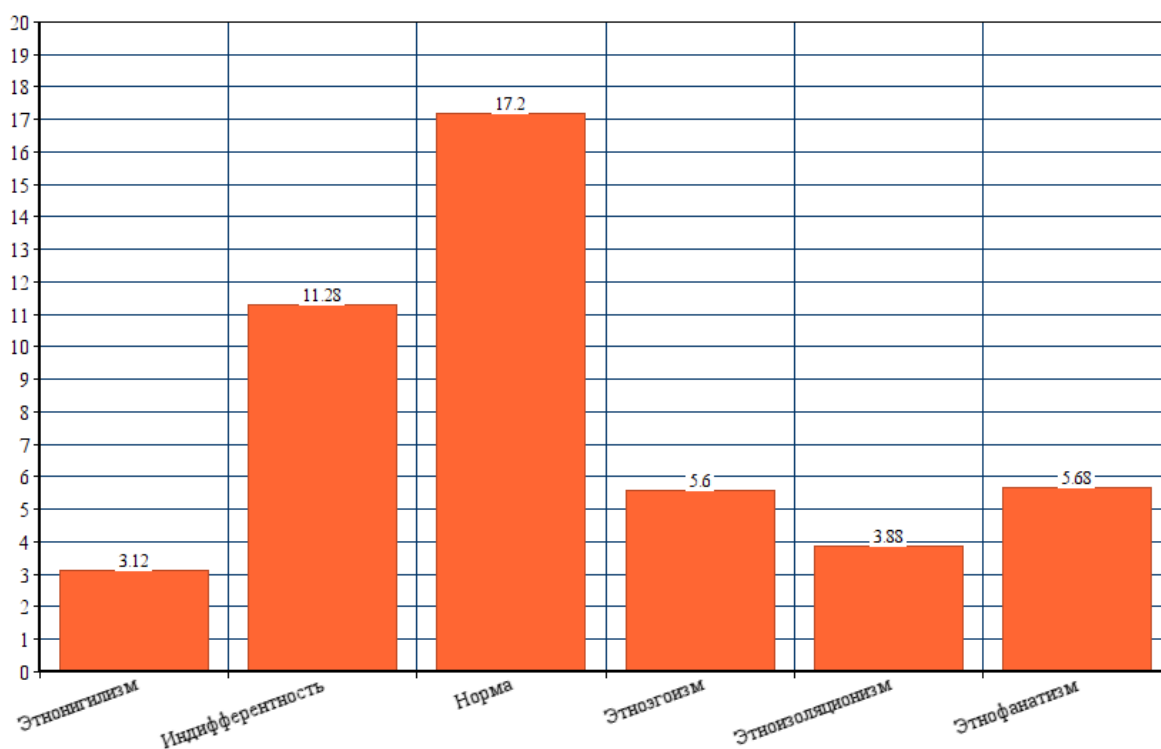
4. *Этноэгоизм* – данный тип идентичности может выражаться в безобидной форме на вербальном уровне как результат восприятия через призму конструкта «мой народ», но может предполагать, например, напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за «чужой» счет.

5. *Этноизоляционизм* – убежденность в превосходстве своего народа, признание необходимости «очищения» национальной культуры, негативное отношение к межэтническим брачным союзам, ксенофобия.

6. *Этнофанатизм* – готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов, вплоть до этнических «чисток», отказа другим народам в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями, признание приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдание любых жертв в борьбе за благополучие своего народа [4, с. 137].

Анкетирование прошли 25 человек, русские, в возрасте от 18 до 55 лет, студенты НИУ «БелГУ» (г. Белгород) и преподавательский состав БГТУ им.

Тип этнической идентичности

В.Г. Шухова (г. Белгород). Университетская среда была выбрана не случайно. Тенденции современного высшего образования определяют международное сотрудничество в создании открытого образовательного пространства, привлекательного для иностранных граждан, служащего для передачи определённых специальных знаний на русском языке как иностранном [1, с.

163]. В г. Белгород обучается большое количество студентов – иностранцев из ближнего и дальнего зарубежья. В ходе анкетирования нам хотелось увидеть насколько толерантно русские студенты и преподаватели могут относиться к представителям других этнических групп при ежедневных контактах.

После подсчета результатов была составлена диаграмма, отражающая общую картину по проблеме этнической идентичности у русских. По каждой шкале максимальный балл – 20.

Анализирую приведенную диаграмму, можно утверждать, что у опрошенных преобладает позитивная этническая идентичность, т.е. норма. Этот факт говорит о том, что русские студенты и преподаватели с таким типом идентичности принимают себя как часть русского народа, культуры и традиций и в тоже время готовы проявлять толерантное отношение к другим народам. Такое отношение между этническими группами в процессе обучения в ВУЗе играет положительную роль. Доброжелательная атмосфера дает возможность более качественно усваивать новую информацию, избегать межличностных конфликтов на национальной, культурной или религиозной почве.

Этническая индифферентность у русских студентов и преподавателей занимает второе место. Это говорит о том, что среди русских существует большой процент людей равнодушных к любым проявлениям этничности. В учебном процессе такое проявление этнической идентичности чаще всего играет положительную роль. Русские студенты и преподаватели не смотрят на студентов – иностранцев под призмой их национальности. Они опираются на другие признаки, например, на какие-либо человеческие качества или на учебную успеваемость.

Что касается шкал, характеризующих гиперидентичность, то все три шкалы показали результат ниже среднего. Тем не менее, хотелось бы отметить, что этноэгоизм и этнофанатизм с примерно равным результатом присутствуют в результатах опрошенных. Этот показатель напоминает нам о

том, что стоит всегда быть готовым к возникновению разного рода этнических конфликтов. Даже небольшой повод может привести к проявлениям этнической нетерпимости. В университетской среде в первую очередь на преподавательский состав ложится ответственность за решение таких ситуаций.

Так же результаты анкетирования были проанализированы с точки зрения возраста и проявлений того или иного типа этнической идентичности. Данные приведены в таблице ниже.

	Этнони- гелизм	Этническа- я Индеффе- рентность	Норма	Этноэгоиз- м	Этноизоляция ционизм	Этнофанат изм
Моложе 20 лет	3	10,6	15,9	6,8	5	5,9
20-30 лет	3,1	11,5	17,5	4,6	3,9	6
Старше 30 лет	3,3	12	18,7	5	2,3	6,4

Рассматривая первые три шкалы в таблице можно с уверенностью сказать, что чем моложе анкетлируемые, тем менее выражены признаки этнонигелизма, этнической индифферентности и позитивной этнической идентичности. С возрастом повышается внутренняя необходимость идентифицировать себя со своим народом и проявлять толерантность к представителям других народов.

Что касается этноэгоизма и этноизоляцииционизма, то здесь обратная ситуация. Чем моложе человек, тем он категоричнее смотрит на проблему этничности. Молодые люди чаще решают проблемы через схему «свой – чужой». Но в процессе взросления приходит осознание того, что люди «чужого» этноса так же имеют право на свою культуру, традиции и религию, как и «свой».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что среди русских людей преобладает позитивная этническая идентичность. Они проявляют любовь,

уважение и интерес к своему народу. Вместе с тем они готовы проявить толерантность, а возможно и интерес к другому этносу, что является путем к положительному межкультурному взаимодействию и конструктивной межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Бондарь Е.А., Педагогические условия формирования адаптационной готовности иностранных граждан к обучению в вузе // Гуманитарные и социальные науки. Ростов-на-Дону, 2016. № 4. С. 163-172
2. Куликов Л.М., Основы социологии и политологии: Учеб. Пособие. Финансы и статистика, 2003. 336 с.: ил.
3. Социология: Учебник для вузов / В.Н. Лавриненко, Н.А. Нартов, О.А. Шабанова, Г.С. Лукашова; Под ред. проф. В.Н. Лавриненко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 407 с.
4. Толерантность – поиск мира и согласия в межличностном взаимодействии: практикум / Т.Н. Чекмарева, С.А. Федорова. Братск: ГОУ ВПО «БрГУ», 2011. 183 с.

УДК 81

О.Е. Захарчук
Донской государственный технический университет
доцент кафедры Русского языка как иностранного,
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: Olga197008@yandex.ru

О.В. Николенко
Донской государственный технический университет
доцент кафедры Русского языка как иностранного,
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: tutuki@yandex.ru

М.В. Ерещенко
Донской государственный технический университет
доцент кафедры Русского языка как иностранного,
кандидат филологических наук, доцент

О ситуативных языковых контактах: русско-китайский пиджин

Аннотация: В статье анализируются существенные характеристики русско-китайского пиджина. Статья посвящена рассмотрению

функционально-семантических особенностей русско-китайского пиджина как результата взаимодействия китайской и русской языковой системы и речевой среды. Цель статьи заключается в описании лингвистической и экстралингвистической природы в закономерностях функционирования данного языкового явления как средства ситуативного межэтнического общения.

Ключевые слова: Языковые контакты, русско-китайский пиджин, фонетические, грамматические и семантические особенности русско-китайского пиджина.

O.E. Zakharchuk

Don state technical University
associate Professor of Russian as a foreign language,
candidate of philological Sciences, associate Professor
E-mail: Olga197008@yandex.ru

O.V. Nikolenko

Don state technical University
associate Professor of Russian as a foreign language,
candidate of philological Sciences, associate Professor
E-mail: tutuki@yandex.ru

M.V. Ereschenko

Don state technical University
associate Professor of Russian as a foreign language,
candidate of philological Sciences, associate Professor

About situational language contacts: the Russian-Chinese pidgin

Annotation: The essential characteristics of the Russian-Chinese pidgin are analyzed in the article. The research is devoted to functional and semantic features of the pidgin that is considered because of the interaction between the Chinese and Russian language systems and the speech environment. The purpose of the article is to describe the linguistic and extralinguistic nature of the functioning such linguistic phenomenon as a means of situational interethnic communication among the mixed population.

Keywords: Language contacts, Russian-Chinese pidgin, phonetic, grammatical and semantic features of the Russian-Chinese pidgin.

В данной статье предпринята попытка систематизации сущностных характеристик русско-китайского пиджина. Исследование осуществлено

методом выборочного анализа научных статей, рассматривающих русско-китайский пиджин как результат взаимодействия китайской и русской языковой системы и речевой среды, а также методом непосредственного наблюдения за реалиями языковых контактов, имеющих место в торговых отношениях между продавцами и покупателями на, так называемых, «китайских рынках», например, на рынке "Темерник" в городе Ростове-на-Дону.

Во второй четверти XVIII века приграничная торговля между русскими и китайцами способствовала возникновению достаточно оригинального смешанного языка, который получил название кяхтинского русско-китайского пиджина. Словарь лингвистических терминов под редакцией Т.В. Жеребило определяет понятие *пиджин* как «вид контактного языка, возникающий в ситуации иных способов общения» [2, с. 270]. По своей сути пиджин – упрощенный язык, созданный для коммуникации людей, говорящих на разных языках. Он не является ни для кого из этнической базы носителей языка родным и в основном используется в торговой контактной сфере (первоначально при обмене товарами, позднее при купле-продаже). Пиджин характеризуется ограниченным лексическим составом, неустоявшейся грамматикой и минимальным количеством языковых функций [2, с. 270]. Исследователи полагают, что препиджины (жаргоны, редуцированные пиджины) и собственно пиджины недолговечны, поскольку их вытесняют интерферированные, местные, национальные варианты языка (Беликов В.И., Жданова Н.А., Паршин В.П., Перехвальская Е.В., Силин Е.П., Ма На, Ян Цзе и др.). Однако в настоящее время известно свыше 50 пиджинов, среди которых: русско-китайский (пограничные зоны Забайкалья, Хабаровска, Владивостока, Благовещенска), русско-норвежский, таймырская «говорка» и др. [4, с. 8–9].

Город Кяхту считают родоначальником пиджина. Оформившийся Кяхтинский вариант русско-китайского пиджина – представляющий интерес для исследователей – появился ближе к 90 годам XVIII века. И хорошо

известную фразу "моя твоя понимай нету" связывают именно с ним. Переходу от препиджина с его минимумом лексических единиц для контакта между разными народами к русско-китайскому пиджину помогли историко-экономические факторы. Так, в немалой степени взаимовлиянию языковых контактов способствовал Кяхтинский договор 1727 г., первым легализовавшим русско-китайскую торговлю в приграничных областях. Старый город Кяхта принадлежал России, а напротив него Китай построил новый небольшой торговый городок – Маймачин. И если в первой половине XVIII века в торговом пункте Кяхта жило около 100 семей, то к началу XIX века число торговцев Кяхтинского рынка выросло до полутора тысяч. Такое «долгосрочное» сначала вызванное потребностью торговых отношений, а позже трансферентными экстралингвистическими и лингвистическими условиями общение китайских и русских купцов привело к появлению особого «маймачинского» диалекта [3, с. 62].

Языковедам хорошо известно, что один из контактирующих языков пиджина считается базисным, или языком-лексификатором. Кяхтинский русско-китайский пиджин возник на русской лексической основе. Однако именно китайцы – главные носители этого пиджина. Будучи покупателями либо продавцами, они были наиболее заинтересованы в общении вследствие торговой (то есть в какой-то степени профессиональной) необходимости. Но знание русского языка для китайцев ограничивалось лишь теми словами, которые были нужны для элементарных контактов в ситуациях купли-продажи. Китайские торговцы не обучались русскому литературному языку, а использовали ситуативный языковой материал и прежде всего – разговорную речь.

Иными словами, «кяхтинское китайское население» постепенно усваивало русский язык в свободной разговорной среде (в частности, в среде рыночной торговли) в элементарной степени (в основном лексика), необходимой для процесса общения.

Со стороны носителя русского языка (как родного) происходит следующее: не владеющий пиджином покупатель слышит и воспринимает его как неправильную русскую речь, но понимает ее, поскольку часто с вербальными средствами в процессе общения используются невербальные: мимика, жесты, окружающий контекст. С китайцем русский покупатель говорит по-русски, но значительно упрощает разговорные конструкции, иногда намеренно коверкает слова, допуская лексические и грамматические ошибки. Его цель – подстроиться под собеседника в пользу сохранения ситуативного языкового контакта. Весь этот процесс общения между людьми, не знающими языка друг друга, не что иное, как живая межэтническая коммуникация на пиджине [1, с. 86–88].

Такая разговорная речь долгое время не попадала в поле лингвистических интересов, поскольку первоначально исследователям пиджина казалось, что они записывают речь «малокультурных» людей, поскольку кяхтинский русско-китайский пиджин включает в основном слова просторечного пласта разговорной речи. Тем не менее, пройдя путь существенного упрощения структуры языка-источника, кяхтинский пиджин задействовал различные ресурсы русской речи, которые уже интересны с точки зрения восприятия и продуцирования всей системы языка в определенных ситуациях межэтнического общения.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что любой пиджин есть результат прохождения нескольких стадий: 1) стадии *препиджина* с минимальными потребностями в общении; 2) стадии *пиджина* с его небольшим словарным запасом при почти полном отсутствии стандартов морфологии; 3) стадии *языка-посредника*, ориентированного на коммуникацию новой этнической общности; 4) стадии официального языка (исключительно редкий случай). Чаще пиджин превращается в *креольский язык*, став родным для определенного этноса. В лингвистике выделяют три типа пиджина на русской основе: русско-норвежский, или "Руссенорск";

таймырский, или "Говорка" и русско-китайский, являющийся наиболее изученным в настоящее время.

Специфика русско-китайского пиджина, как уже было отмечено выше, определяется в основном прагматическими причинами и характеризуется многими чертами русской разговорной речи, при этом редуцированная форма русского языка оказывается более эффективной для межэтнической коммуникации. Несмотря на то, что в данных контактирующих языках лексификатором является русский язык, грамматика и фонетика русско-китайского пиджина стремится к потребностям языковой системы китайского языка. И если кяхтинский русско-китайский пиджин, появившийся в кяхтинской торговле и служивший ей, постепенно "сошел на нет" в жизнеспособной коммуникативной среде, нельзя переоценить функциональные характеристики этого пиджина, составившие фонд речевых стереотипов, которые рассматриваются лингвистами как субстративные и суперстративные явления в естественном общении между китайцами и русскими в приграничных зонах.

Исследователь Ма На указывает, в частности, на определенное системное фонетическое влияние китайского языка на кяхтинский пиджин, которое выражается в:

– отсутствию редукции у безударного гласного: 一普特 – *одинпудэ* – *один пуд*; 午饭 – *обяньдэ* – *обед*; 告诉 – *гаоли* – *говори*;

– отсутствию оглушения звонкого согласного [д] в конце слова: 年 – *кандэ* – *год*; 午饭 – *обяньдэ* – *обед*;

– произнесении звука [с] как [shi]: 自己 – *шаму* – *сам*; 春天 – *вэйшина* – *весна*; 信 – *бэйшимао* – *письмо* [3, с. 65].

Проанализировав выявленные исследователями особенности грамматических форм в употреблении слов и выражений носителями Кяхтинского, Забайкальского, Дальневосточного пиджина, можно отметить:

1) частотность в употреблении деминутивных форм существительных и прилагательных: *холошанеки* (хорошенький), *либитисыка* (ребятишки = дети), *люмашека* (рюмка; от "рюмашка"), *челенеки* (чёрненький), *беленеки* (беленький), *синеники* (синенький), *кулоточка* (курточка);

2) препозитивный формант, образующий превосходную степень прилагательного – шипики: *шипики-холошанеки* (отличный, самый лучший);

3) императивную форму употребления глаголов, а также глаголов в форме прошедшего времени мужского рода с добавлением -а: *гаоли* (говори), *еши* (ешь), *били* (бери), *вэйбили* (выбирать); *ушаола* (уйти), *пишаола* (прийти), *нашаола* (найти), *фальшивайла* (лгать, обмануть);

4) постпозитивные форманты глагола настоящего времени -еса: ...*за-моя бичи-еса*... (я пишу); прошедшего времени -было: ...*за-моя бичи-было*... (я писал); будущего времени -буду: ...*за-моя бичи-буду*... (я буду писать)

5) замену форм именительного падежа личных местоимений формами с использованием предлогов и местоимений: *за-моя* (я), *за-твоя* (ты), *за-ево* (он), *за-наша* (мы), *за-ваша* (вы);

б) отсутствие грамматикализованного противопоставления по числу.

Исследователь современного русско-китайского пиджина Забайкалья Н.А. Жданова выявляет такие его грамматические черты, как «неполная парадигма словоизменительных форм, экспансия формы именительного падежа, выступающей в функции косвенных падежей, аналитические формы с использованием предлогов и частиц, заменяющих соответствующее предложно-падежное управление, регулярное использование 1-го лица на месте других личных глагольных форм» [1, с. 87].

Если говорить о лексико-семантических группах русско-китайского пиджина, то, безусловно, приоритетной из них является подгруппа слов, связанная с торговлей (куплей-продажей): *потолгавай* (торговаться, торгуйся), *кончай цена* (последняя цена), *волотиника* (воротник), *како*

лазамел можна (какой размер нужно), *стилать можна* (стирать можно), *цзяошивай* (дешевый), *сота* (сто).

Обиходная лексика также закрепились в упрощенной степени в свободной разговорной среде: *лаошикань* (ложка), *дена* (день), *деляни* (плохой, нехороший, дрянной), *дилочеки* (дыра, отверстие), *дома* (дом), *дува* (два), *сепасибо* (спасибо, благодарить), *селедеце* (сердце), *соленьце* (солнце), *соли-повеси* (умереть), *солово* (слово), *кусока* (кусок), *кушаху* (кушать, есть).

Запущенные кяхтинским пиджином механизмы межэтнического общения действуют не только в приграничных зонах. В этом можно убедиться, побывав на вещевом китайском рынке "Темерник" в городе Ростове-на-Дону. Индивидуальные предприниматели, так называемые китайские челноки, являются носителями русско-китайского пиджина. Имея в арсенале разговорной речи минимум лексических единиц из языка-источника с добавлением местных слов, китайские продавцы продуцируют в речи упрощенные формы из языковой системы русского языка на уровне грамматики и синтаксиса. В ситуации рыночной торговли процесс общения опирается на ситуативность и общую апперцепционную базу участников диалога:

Продавец: Халаза нада? Бели халаза! / (Халаты надо? Бери халаты!) //

Покупатель: Почём? / (Рукой показывает определенный халат) //

Продавец: Цзяошива адама! / (Дешево отдам!) //

Покупатель: Сколько? //

Продавец: Писота тута! / (обозначает цену на листе бумаги) / (Пятьсот здесь) //

Покупатель: А этот сколько? / (Указывает на другой халат) //

Продавец: Бели писота! / (Бери за пятьсот) //

Покупатель: Все что ли по пятьсот? //

Продавец: Все что ли... / (повторяет за покупателем) //

Покупатель: Какой размер? //

Продавец: Како лазамел нада? Лазны можна! / (Какой размер надо? Разные есть) //

Покупатель: На меня! //

Продавец: Тута, тута! //

Покупатель: Давай мерить. //

Продавец: Какалаза! / (Как раз!) //

Покупатель: Давай дешевле! За 450? //

Продавец: Холоса халаза! Пеламо солово! / (Хороший халат! Правда!) //

Покупатель: Так отдашь за 450? //

Продавец: Нету! Кончай цена! / (потом пишет цену – 480) / (Нет! Конечная цена!) //

Покупатель: Ладно, давай за 480. //

Продавец: Холошанеки халаза. Сепасиба. / (Хороший халат. Спасибо) //

Покупатель слышит пиджин, воспринимая его как "коверканную" речь, но понимает, о чем говорит продавец, так как помимо вербальных средств говорящие на разных языках люди прибегают к внеязыковой коммуникации (указательный жест покупателя, написание цифр на листе продавцом). При этом покупатель говорит свободно, то есть так же, как и всегда (в частности, вопрос "Почём?" – просторечное слово разговорного пласта – в большей степени ориентирован на русскоговорящего продавца). Однако коммуникант пытается максимально упростить высказывание в пользу понимания в данный момент речи. Речь на пиджине спонтанна, динамична и диалогична, так как диалог есть не что иное, как живая межэтническая коммуникация на пиджине. А структурная неполнота предложений, эллиптичность высказывания, синтаксические повторы дополняют речевые стереотипы русско-китайского пиджина.

Таким образом, пиджин нельзя назвать результатом исторического развития языка. Скорее, это результат вторичного преобразования языка в условиях регулярных и массовых этноязыковых контактов. Русско-китайский пиджин – продолжение языка-источника, спроецированного в первую

очередь в сферу торговых отношений. Тем не менее, описание возможностей варьирования и функционирования пиджина в качестве средства межэтнического общения заслуживает внимания со стороны лингвистов и рассмотрения его как определенный результат культурного обмена между двумя народами.

Список литературы

1. Жданова Н.А. Русско-китайский пиджин Забайкалья среди других форм современных контактных языков // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10. С.84-88.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. С. 270.
3. Ма На. Кяхтинский русско-китайский пиджин // Русский язык за рубежом. 2015. № 4 (251). С.61-68.
4. Перехвальская Е.В. Сибирский пиджин (Дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006.
5. Ян Цзе. Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социологического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 67-74.

V. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ

ДОКУМЕНТЫ ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА 1874 г. О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ И.С. ПОЛЯКОВА И П.А. КРОПОТКИНА *

В истории взаимоотношений П.А. Кропоткина и И.С. Полякова нам известна главным образом та сторона, которая связана с их общими естественнонаучными интересами. Революционная деятельность Кропоткина, если верить «Запискам революционера», совсем не была известна Полякову, и только после ареста его старшего друга последний узнал о второй, тайной его жизни. Однако публикуемые ниже документы, хранящиеся в государственном архиве Российской Федерации (бывшем ЦГАОРФ), связанные с «Делом о развитии в Империи революционной пропаганды» [1], позволяют с новой точки зрения взглянуть на историю ареста П.А. Кропоткина и последовавшие за этим события - обыск и допросы, которым подвергся И.С. Поляков. Сопоставление публикуемых ниже документов с «Записками революционера» [2] и опубликованными ранее материалами [3] заставляют серьезно сомневаться в словах Кропоткина, что «Поляков не интересовался моею политическою деятельностью».

Наиболее компрометирующим документом, найденным у Полякова, явилась короткая записка, в которой неназванному адресату поручался на хранение какой-то пакет, который должен был храниться, пока его не потребуют установленным образом. Конспиративный характер записки и всего поручения очевиден, однако Полякову, а следом и Кропоткину, удалось убедить жандармов, что записка никакого отношения к Полякову не имеет и попала к нему случайно. Правдивость их показаний более чем сомнительна: Кропоткин утверждал (и на допросе, и позднее в мемуарах), что записка случайно попала в книгу, которую он передал Полякову, а уже жандармы

* Публикация, вступительная заметка и примечания подготовлены А.В. Бирюковым. Опубликовано в: Гуманитарный вектор. Вестник Забайкальского отделения Академии Гуманитарных Наук. 1997. № 2. С. 90 – 101.

вложили ее в конверт с адресом, написанным рукою Кропоткина, но другим карандашом. Однако обыски у Кропоткина и у Полякова производились разными жандармами, и предположение, что майор Оноприенко посоветовал штабс-капитану Внукову, отправляющемуся с обыском на квартиру к Полякову, подстроить что-нибудь, чтобы опорочить последнего, выглядит не более правдоподобно, чем, скажем, мысль, что Кропоткин из предосторожности, предвидя арест, писал записку одним карандашом, а адрес на конверте – другим.

Хотя Полякову удалось, как говорится, выйти сухим из воды, складывается впечатление, что будь жандармы понастойчивее, мы узнали бы о политических убеждениях И.С. Полякова больше, а его судьба, быть может, сложилась бы куда как хуже. К счастью, этого не случилось. Любопытно, что в протоколе допроса, написанном собственноручно И.С.Поляковым (см. документ 5), и представляющем собой своеобразную «автобиографию» Полякова, он изо всех сил подчеркивает свои исключительно научные интересы.

Хотя публикуемые следственные материалы не дают окончательного ответа на вопрос, участвовал ли Поляков в революционном движении 1870-х годов, они с очевидностью свидетельствуют, что он вовсе не был анахоретом, погруженным «в какой-нибудь химический или ботанический экзамен». Об этом свидетельствуют и публикуемые три письма Кропоткина к нему, написанные весной 1872 года из Швейцарии и Бельгии (письма были изъяты у Полякова во время обыска). Кропоткин был уверен, что это интересно его адресату. Примечательны мысли о «бессилии науки» – это ведь прямой отголосок бакунинских идей; недаром это место письма привлекло внимание жандармов, и Полякову пришлось даже давать объяснения по поводу «крамольных» мыслей Кропоткина.

1874 года марта “26” дня, я, Корпуса Жандармов Майор Оноприенко, на основании закона 19 мая 1871 года, в присутствии Товарища Прокурора Масловского расспрашивал нижепоименованного, который показал:

Зовут меня князем Петром Алексеевичем Кропоткиным. От роду имею 32 года, вероисповедания Православного, уроженец города Москвы <...>

По поводу отобранных у меня сегодня при обыске бумаг я заявляю:

1. Письмо, заклеенное в конверт с адресом В[асильевский] Остров Биржевой переулоч дом № 6 кв. 1 Ивану Семеновичу Полякову для Николая Алексеевича, писано ко мне, но я только условно или ошибочно назван по имени. Письмо это я застал на квартире третьего дня; кем оно принесено, я не знаю. На вопрос, кем писано это письмо, отвечать отказываюсь, также как не желаю показывать [об] именах, встречающихся в письме. До отобран[ия] этого письма я не читал. Поляков, через которого полагалось это письмо к передаче мне, его не получал и ничего об этом не знает. <...>

Князь Петр Кропоткин

Корпуса Жандармов Майор Оноприенко

Товарищ Прокурора Судебной Палаты Масловский [4]

2

Протокол № 51

26 марта 1874 г. Я, Спетербургского Жандармского Дивизиона Штабс Капитан Внуков, при бытности Товарища Прокурора Кобыльского, пристава Васильевской части 1-го участка Подполковника Бахмутова и нижепоименованных Понятых, прибыл в квартиру № 1-й в доме № 6 по Биржевому переулочу, в котором проживают Студент Спетербургского Университета Иван Семенович Поляков и Лаборант того же Университета Алексей Лаврентьевич Потылицын. <...> По прибытии моем в квартиру Г-на Полякова дома не оказалось, и он прибыл только при окончании обыска: при самом обыске, кроме лиц, обозначенных выше, находился лишь Г-н Потылицын. <...> ...по осмотре же комнаты Г-на Полякова я признал нужным отобрать для дальнейшего рассмотрения: 1-е, записка, написанная чернилами

с пометою 6-го Марта; 2, адрес Г-на Полякова, писанный карандашом; 3, Разорванный конверт с адресом Г-на Полякова, в котором оказалась записка, писанная карандашом на 8 строках без подписи; 4, пять писем, писанных Г-ну Полякову Князь П. Кропоткиным; 5, две визитных карточек, из которых одна изображение самого Полякова, а другая, по объяснению его, Князя Кропоткина, и приятеля Князя, неизвестного по фамилии Г-ну Полякову. Предметы обозначенные под №№ 1, 2, 3 найдены и взяты со стола перед диваном в комнате Г-на Полякова... <...> По окончании обыска я нашел нужным пригласить Г-на Полякова для объяснения в Канцелярию для производства дознания по Государственному преступлению, при Спетерб. Жандармском Правлении <...> [5]

3

Опять тревожат. Сохраните эти бумаги.

Пакет “до востр.” В.И. Пусть распечатает тот и вложит то, что в нем лежит, – в новый “до востр.”, вместе с новым маленьким, и запечатает [6].

4

Протокол № 57

1874 Марта “27” дня, я, Корпуса Жандармов Майор Оноприенко, на основании закона 19 Мая 1871 года, в присутствии Товарища Прокурора Масловского расспрашивал нижепоименованного, который показал, в дополнение прежде данного показания:

Зовут меня Князь Петр Алексеевич Кропоткин. От роду имею 32, вероисповедания православного.

На предложенные мне вопросы отвечаю: предъявленная мне записка, писанная карандашом и без подписи, и, как мне объяснено, отобранная при обыске у Ивана Семеновича Полякова, написана мною, но не к Полякову, а к лицу, имени которого я не желаю открыть, при ней препровождалась одна записка на имя другого лица, фамилию которого я тоже не желаю открыть, также, как и содержание. Записка эта была вложена в особый заклеенный конверт, который лицом В.И. должен был быть вложен в конверт “до

востребования”. Лицом, которого я подразумевал востребователем, был я сам. Когда я писал упомянутую записку, не помню. <...> Упомянутую записку, отобранную у Полякова, я оставил или потерял не помню когда у Полякова, и не помню, в его ли присутствии или нет, когда его не было дома. Предъявленный мне конверт с надписью Ивану Семеновичу Полякову написан мною, но не с этой запискою. Коллежский Ассесор Князь Петр Кропоткин

Корпуса Жандармов Майор Оноприенко

Товарищ прокурора Судебной Палаты Масловский [7]

5

Протокол № 59

1874 Марта “27” дня, я, Корпуса Жандармов Майор Оноприенко, на основании закона 19 Мая 1871 года, в присутствии Товарища Прокурора Кобыльского расспрашивал нижепоименованного, который показал:

Зовут меня Иван Семенович Поляков

От роду имею 28, вероисповедания Православного. Студент 4-го курса Физико-математического Факультета Разряда Естественных Наук императорского С.-Петербургского Университета. Уроженец Забайкальской Области, первоначальное образование получил в Иркутском Училище военного ведомства, держал гимназический экзамен в 1-й Харьковской Гимназии.

Прибыл в С. Петербург в Сентябре 1867 года для поступления в одно из высших учебных заведений, по увольнению, Высочайше данному мне от службы. В течение 1^{1/2} лет был вольнослушателем при Университете; в 1870 году, по выдержании гимназического экзамена, поступил в число студентов Университета. Во время четырехлетнего пребывания в Университете в качестве студента, получил премию за сочинение о распространении животных в Восточной Сибири. В то же время совершил несколько экспедиций с ученой целью: в 1866 году в Олекминско-Витимскую горную страну, под начальством князя Петра Кропоткина, по поручению Сибирского

Отдела Императорского Русского Географического Общества, потом один совершил путешествие в Восточный Саян летом 1867 года. В 1871 и 1873 годах, в летние месяцы, изучал Олонецкую губернию в отношении геологическом, зоологическом и в археолого-этнографическом по поручению Императорского Русского Географического Общества. В нынешнем году Общество Естествоиспытателей при Университете дало мне поручение исследовать в зоологическом отношении верховья р. Волги, в силу чего я, по особому разрешению Университетского Начальства, сдал все оставшиеся мне экзамены на степень кандидата Естественных наук, кроме немецкого языка, сдать экзамен по которому не было времени, уже по независящим от меня обстоятельствам.

При обыске, произведенном у меня 26 Марта сего года, найден у меня в комнате пакет распечатанный, с адресом на мое имя; в пакете лежала маленькая записка, заключающая в себя до 8 строк. В почерке на адресе и записке можно признать, повидимому, руку князя Петра Кропоткина. Конвертов от князя Кропоткина я получал несколько в течение зимы; в них были влагаемы дела по поводу лежащего на мне печатания двух томов “Записок Географического Общества”, в одном томе уже напечатана большая статья князя Кропоткина; для другого тома он приготовил еще более обширную статью о ледниковых явлениях в Финляндии; для последней статьи ему требуются шведский и датский шрифты, почему он и присылал мне образчики нужных букв, дабы я заблаговременно посоветовал заготовить их в Типографии Стасюлевича, где томы печатаются. Легко могло случиться, что г. Кропоткин вкладывал посылку или письмо в конверт, где уже лежало что-нибудь; такова могла быть записка, найденная в пакете с адресом на мое имя; эта записка по своей малости осталась для меня незамеченною, так как до вчерашнего дня я не имел никакого понятия о ее содержании; во-вторых, князь Кропоткин не состоял со мной ни в каких других отношениях, кроме практических, касающихся, например, печатания “Записок Общества” и чисто-научных; в том и другом случае я обращался к нему за советами. При

таких условиях, при таких отношениях серьезных едва ли князь Кропоткин мог без колебания явиться ко мне с предложением в роде передачи каких-то бумаг какому-то мне совершенно неизвестному лицу и при том в такой момент, когда стояла у меня наиболее жаркая пора занятий? И вообще, если б он принес что-нибудь скрыть у меня утром в течение всей второй половины великого поста, то вечером нашел бы это неисполненным, так как я бывал обыкновенно в Университете по крайней мере с 10-11 ч. утра до 3-4 пополудни; а смысл найденной записки указывает, что дела были экстренные. Поэтому я думаю, что если князь Кропоткин и приносил мне скрыть бумаги, то сам их и унес, оставив у меня только конверт с маленькой запиской, которая осталась неизвестна мне, и которую он забыл, вложив свои бумаги в другой чистый конверт. Насколько я помню, взятый у меня при обыске конверт валялся между бумагами довольно долго; именно не меньше недели, а может быть, и гораздо больше.

Относительно второго конверта, с адресом на мое имя, но который был показан мне г. товарищем прокурора, а не найден у меня, я должен сказать, что я его никогда не видел, как и то лицо “Николай Алексеевич”, которому бы должен был его передать. Я твердо помню, что никому и никогда не позволял слать через меня письма Николаю Алексеевичу, как будто бы лишенному фамилии; в числе же моих знакомых я не знаю ни одного Николая Алексеевича, кроме Северцова, Д-ра зоологии, которого уже очень давно нет в С.-Петербурге [8].

Мужчины или женщины, имя и фамилия или отчество которой начиналось бы буквами В.И. – я не знаю.

Письма князя Кропоткина, отобранные у меня при обыске и писанные мне из-за границы, относятся, мне кажется, к 1872 г.; мысли, выраженные в некоторых из них относительно науки, ее вреда и пр. – плод увлечения; радикальное несогласие свое с ними я выразил тем, что до сих пор занимаюсь науками. Увлечения князя Кропоткина мыслями касательно вреда науки были, по-видимому, временны; по возвращении из-за границы он, по крайней

мере, не вспоминал об них. Затем в следующие годы - мне стало неизвестно, на каких взглядах на науку остановился князь Кропоткин, неизвестно мне, были ли у него взгляды, выходящие вон из ряда, или нет. Знаю я только, что в настоящую зиму князь Кропоткин страдал ячменями, исподволь занимаясь ледниковым вопросом.

Студент 4-го курса Физико-математического Факультета Разряда Естественных наук С.-Петербургского Университета Иван Поляков

Корпуса Жандармов Майор Оноприенко

Товарищ Прокурора Кобыльский [9]

6

Ваши оба письма, дружище, получил. Сон[я] [10] немедленно переслала их сюда, жду третьего.

Живу я еще в Женеве. Я хотел тут побольше завести знакомств, да туго идет без рекомендаций, нужно брать своею личностью, чтобы победить недоверие. Поэтому, да и потому, что знакомлюсь все с народом занятым, который свободен только по вечерам, я свободен все утро и читаю или пишу. В последнее время меня поразило бессилие науки. Я уже и в Питере говорил с вами об этом. Долго было бы расписывать обо всем, – поговорим по возвращении. Во всяком случае, я принялся излагать это письменно, в виде статьи. Не знаю, что выйдет, но постараюсь ч[то]б[ы] вышло хорошо, и постараюсь, ч[то]б[ы] напечатали.

Теперь, когда молодежь так рвется на научное поприще, и когда так затрудняют ей доступ, так что приходится забивать попусту бог знает сколько сил, это, может быть, будет кстати. Но до сих пор не знаю, какой из наших журналов решится напечатать протест не только против ученых, но против науки вообще, во всей ее коллективности, и против научных занятий, которые в такую страдную пору только отвлекают, никогда потом не возвращая, лучшие силы молодежи.

Перечитываю теперь описания последних парижских событий, на каждом шагу видишь блистательнейшие доказательства, – крупные и мелкие.

Если бы лучше знать историю, верно, еще лучше можно было бы доказать тезис.

В первом вашем письме меня поразило ваше замечание о поразительной нескромности этой глупейшей ветряной мельницы. Скажите об этом брату, или найдите возможным рассказать, или просто предупредите его, что знаете один случай и просите поменьше болтать с этою винною бочкою. А дядя может успокоиться, ибо брат его не знает даже по имени. Этот алкоголист везде суется, и если Ник. Степ. совершенно успокоился теперь, то его друг всегда может науськать его на всякую глупость, так как он в самом деле терпеть не может Соничку, отвергшую его любовь, – да и меня, я думаю, недолгобливает, считая счастливым соперником, может быть [11].

Маня проехала вчера через Женеву со Смецкою [12], они едут во Францию, на юг. У Сон[и] начались экзамены.

До свидания пока. Через месяц, верно, буду у родных пенатов и тогда наболтаемся.

Жму лапу.

П. Кропоткин

Женева 9/21 марта [1872]

День начала весны; солнце и впрямь засветило, но вчера и третьего дня была слякоть целый день, и в горах опять выпал снег. Бедные фиалки, и здесь им жить не дают! [13]

7

Ну, дорогой дружище, вот уже целых три недели, как я прожил здесь, во граде Женеве, все поджидая от вас еще письма, но вы, видно, совсем забыли о своем бродяге, погрузившись в какой-нибудь химический или ботанический экзамен, в котором, видно, вы вертитесь всеми помыслами. Вы, значит, писали только два письма; впрочем, при ваших занятиях в этом еще, конечно, нет большого греха.

В Цюрихе я, как уже писал, кажется, имею намерение остаться недолго, и попользоваться случаем побывать во Франции или Бельгии. Раз как уже

попал, надо пользоваться, – и не много приходится здесь расходовать, если не позволять себе лишних прихотей; за все мое месячное пребывание за границую прожито очень немного, а много хорошего успел видеть. Сперва было дорого, но как познакомился с местными нравами и обычаями, да к тому же и холод прошел (за дрова платишь особо), так стало выходить очень мало. Я еще глупо сделал, что связался с гостиницей. Если пойти в pension (большинством, конечно, не вновь приезжих, а опытных, или здешних, так и делается), то было бы еще дешевле.

Здесь также был возврат холода. Задул теплый-претеплый ветер, потом - сильнее и холоднее; наконец, повалил снег, сперва в горах, потом в городе. Конечно, он весь стаял, но было очень холодно, при здешнем, женевском нелепом устройстве каминов. Если это хорошо на юге Франции, то вовсе не здесь, в горном климате и при дороговизне топлива. Зато теперь снова роскошь – тепло, хорошо.

Здесь это очень кстати, так как празднуют пасху; но празднуют ее далеко не так хорошо и торжественно, как у нас. Да и некогда: сегодня каменщики против моих окон уже работают; они и воскресенья-то празднуют *через одно*, и праздничная работа дороже не оплачивается. В сущности, здесь ко всему и страшная дороговизна припасов и квартир; квартиры, впрочем, без мебели гораздо дешевле петербургских, как барские, так и рабочие.

Русских газет я совсем не читаю и не знаю, что у нас творится. Только вчера увидал, что есть один Cafe, где получают “Петербургские Ведомости” и “Новое время”. Читали ли вы в “Новом времени” процесс немецких Интернационалов Либкнехта и Бебеля? он печатается, кажется, без сокращений. Если не читали, то прочтите – стоит того.

Продолжайте писать в Цюрих, мне пересылают куда нужно. До свидания, дружище. Так как в кармане еще имеется с 500 fr., то я и не думаю о возвратном перелете. Считаю только, чтобы не очутиться в том же положении, как в прошлом году в Финляндии [14].

Жму руку.

Женева

31 марта 1872 [15]

8

Verveiers 2 мая [1872]

Милый друг, турист, заброшенный в городок, довольно унылый, берется за перо поделиться с вами впечатлениями. Мои знакомые, настоящие или будущие, все по своим занятиям, и я – до вечера обречен сегодня на одиночество; да и мозг плохо работает над какою-нибудь отвлеченною работою: лучше рассказывать.

Verviers – городок вовсе не маленький и очень промышленный, недалеко от восточной границы Бельгии, – я никогда не видел такого демократического города. Представляете себе почти черную улицу, обставленную рядами и рядами либо красных кирпичных фабрик, либо таких же красных кирпичных домов, совершенно похожих на фабрики. Такие же ряды красных окон – вы знаете, как черны днем окна фабрик – те же грязные входы, – только отсутствие высокой трубы, крошечное разнообразие в росте домов и высоте или, вернее, малости этажей – следовательно, отсутствие линии окон, да рамы не-фабричного фасона обнаруживают, что эти тюрьмы – не фабрики. Разнообразие есть в этих красно-черных гробах – недаром социалисты покрывают гробы своих друзей красным сукном – его много даже, – дома редко более чем в 2, 3, 4 окна, но зато – во столько же этажей, лепятся они, конечно, тесно; середина окна соседнего дома приходится на высоте нижнего карниза другого окна другого дома: вот и разнообразие; одна черепичная крыша – с новыми заплатами, другая – с дырами.

Есть, конечно, и белые, т. е. грязно-белые дома, но есть целые улицы, где их нет, и целая улица белых домов, с красными вперемешку. Никакого украшения – ни большого входа, ни лепки на фасаде, ни прихоти в форме или расположении окон: казарма, да и только – если только можно представить себе казарму в виде трубы: в 3 окна и в 5 этажей. Кажется, едва ли отыщется

где-нибудь балкон. Да на что и балкон? Улица вымощена темно-серыми плитками, и грязная, прегрязная; вся она посыпана углем и отрепьями черносиней шерсти, – здесь их не моют, как в Брюсселе. Нигде ни площади, ни красивых зданий. Странно, но и единственная площадь вышла как-то случайно: изогнулась улица – и вышла площадь в изгибе. Нигде ни гулянья, ни общего сада в городе. Вот уж действительно тип эксплуатации: тип замечательный, где мастерская для выделки и хранения живых машин является во всей своей наготе. Эти темночерно-красные дома; эти фабрики с их копотью, треском, грязью, экскрементами по углам и на задворках, – даже ручеек, весьма живописный когда-то, с ребрами сланцев и с крутою горкою по берегу, – и он весь окрашен синькою, весь заполнен экскрементами – и он, и тропинка, ведущая по выходам сланца на зеленую, свежую, цветущую горку, – эти *черные* улицы с закопченными ребятами и рабочими, и еще более – узкие, узкие закоулки, где на улице бьют масло, где старуха, сидя на обрубке *против* своей двери, на другой стороне улицы, почти загораживает проход, где, наконец, помои выливаются перед дверью, эти люди, которые спешат с ношею шпонек на плече, – какое тяжелое впечатление это производит! В больших городах эта жизнь скрадывается: вы живете, во-первых, в “центре”, глухие закоулки где-то далеко, и вернувшись из них, вы опять в “центре”, вы видите в этом центре и рабочего, но одет он сносно – ведь идя “в город”, он идет к людям хорошо одетым. Вы видите и бедного рабочего, но он идет рядом с смазливою, чисто, даже не без вкуса одетою девушкою, и оба болтают подчас и весело; в Cafe он сидит в большой комнате, где хоть и людно, но светло, не душно, не копотно; прислуживает ему красиво одетая женщина и пьет он сносное пиво. Все это скрадывает контраст, нет этой резкой грани; впечатление нищеты не преследует вас на каждом шагу. Здесь этого нет. Женщина, когда она не проводит целый день в мытье, до ломоты конечностей, – работает на фабрике. Бедность, нищета в кабачках вас поражает. И это, милый Иван Семенович, в городе, который

производит на миллионы! И это – в роскошно-зеленой стране с ее итальянскими тополями и цветущей сиренью!

Ничего подобного я не видел: в других местах хоть красивые общественные здания скрадывают бедность; здесь их заменяют сараи с шерстью; я шел мимо такого сарая, с полукруглыми люками над фабричными окнами, – читаю: “*ecole quartidieme et communale pour les filles*” [16]! И вывеску едва разберешь.

Я был в горах, в центре часового производства, там тоже нет аристократии, там тоже только рабочие: но они разбросаны селами в горах; их коммунальные *college* хоть куда (снаружи); над каждым селом торчит красный шпиль колокольни; дома белые и обвиты плющом; кабачки просторны и вино очень хорошо и дешево. А кругом видны изрытые ледниками горы, с их красивым типом, и длинная долина, которая за горою, за поворотом, теряется во мгле. Грязь в селе невылазная на улице, но дома – не трубы и не скучены, дети бодры и свежи. Здесь все наоборот: и зелени вовсе не видно, и дома наклеплены и слеплены из коморок, и пиво скверное, и дети хилы, – и мостовая звонкая, и контрасты резки. Как ни грязен дом фабричного вида, но есть несколько окон со спущенными жалюзи, или с гипюровыми занавесками и цветами, в этих окнах зеркальные стекла и тьма по вечерам. Есть кареты, и грум сидит на запятках со сложенными руками, в контраст с собаками, которые трудятся изо всей мочи, чтоб тащить тележку и телегу с бельем, или же проезжает “всадник одинокий”; есть театральная афишка с объявлением Н. *Barbiere*, есть 2-3 разодетые дамы и магазины с *confections de robes* [17], есть несколько и даже довольно много кондитерских, перед которыми завистливо стоят 5-6-летние девочки в блузах, – постарше работают, а 10-15-летние мальчики уже делают стачки. Есть, наконец, изредка и большие зеркальные окна, и эти окна моют, вместе со стенами, длиннейшими щетками женщины, так же бедно и грязно одетые, как наши куфарки и тут же, перед дверью с медною доскою и чугуною литою ручкою, льет ведро с помоями, тут же на улицу. Придет дождь, а он часто бывает

мелкий, петербургский, и снесет эти помои куда-то. Во всех городах есть вода, а в швейцарских – в особенности; где нет реки, там на всех углах журчат струйки, сбегаящие в каменные бассейны. Здесь и воды нет, – есть только мосты над оврагом, где множество камней торчит среди неподвижных луж синьки, густой, как гороховый суп.

Наконец, для контраста, среди кучи фабрикоподобных домов есть просторный двор, на нем красивое белое здание с верандою, 2-3 франта за бутылкою вина - на веранде, и свежий зеленый сад с несколькими высокими тополями за домом; это общество “Harmonia” высшей буржуазии. Если бы таких домов было много, они не били бы в глаза, не резали бы зренья; но здесь он один среди этой массы красных кирпичей, труб, грязи и бедности, он для немногих, - вход охраняется portier [18], – он служит ясным символом принципа: “многие для одного, все – для немногих”. Уж лучше бы дождь шел, а не светило бы это светлое майское солнце на высоких тополях и на белом фасаде, и на кустах цветущей сирени и на левкоях цветника; даже запаха их не услышишь, – они посадили их посреди двора, даже не возле литой решетки.

Хоть бы какой-нибудь сквер, или бульвар! Дети – хоть бы весною, хоть бы после ужина, показались бы в саду, хоть в субботу побегали бы здесь; нет, после целого дня мытья или тканья, перед вечерним шитьем, мать выносит мальчишку подышать удушливым воздухом улицы, топчется по плиткам мостовой, - женщины должны здесь много работать, мужья беспрестанно остаются на неделю, на две, на три без пряжи, без тканья, без работы и без 2^{1/2} фр. заработка, а всякая война, всякое движение, всякая биржевая спекуляция отзываются здесь полным chômage, как перемена погоды ломотою в раненной ноге.

Таков Verviers.

Завтра я еду дальше в Вену, и дней через 10 буду с вами гулять по более красивому, но, пожалуй, < казистому городу Питеру.

Пока жму руку.

Verviers

5 мая н. с.

Ваше письмо, адресованное сюда, получил. Очень мало утешительного; оно совсем привело меня в дурное расположение духа по разным причинам, но, конечно, не против вас [19].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАФР, ф. 112, оп. 1, ед. хр. 209, 210, 390, 398; оп. 2, ед. хр. 1233, 1234.
2. Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 301.
3. См.: Письмо Д.М. Рогачева к Н.А. Саблину // Каторга и ссылка. 1925. № 10 (47). С. 80 – 84; Кармалина В.П., Яценко К.Г. Обзор документальных материалов ЦГАОР СССР по истории революционного народничества первой половины 70-х годов XIX в. // Революционное народничество 70-х годов XIX века. М., 1964. Т. 1.
4. ГАРФ, ф. 112, оп. 1, ед. хр. 209. Автограф П.А. Кропоткина. Публикуется только отрывок протокола, имеющий отношение к И.С. Полякову.
5. Там же, л. 127-128. Опущены описание квартиры, описание отображенных при обыске документов, не имеющих отношения к Кропоткину, и подписи понятых.
6. Там же, оп. 2, ед. хр. 1930, л. 3. Карандаш, желтоватая бумага “верже”, в сложенном виде размер 10,5x13,5 см. Там же, л. 4 – конверт 12x14,7 см, с надписью *тушевальным* карандашом: “Ивану Семеновичу Полякову”. Там же, л. 2 – листок с адресом, рукой П.А. Кропоткина: “Биржевой пер., д № 6 кв. 1. Ив. Сем. Поляков”.
7. Там же, оп. 1, ед. хр. 209, л. 135. Автограф П.А. Кропоткина. Опущены показания Кропоткина относительно цвета его бороды.
8. Северцов Н.А. (1827 – 1885) – зоолог, географ и путешественник, исследователь Средней Азии.
9. ГАРФ, ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 209, л. 138 – 139. Автограф И.С. Полякова.
10. Софья Николаевна Лаврова (1840 – 1916), учившаяся в Цюрихе, родственница П.А. Кропоткина.
11. О чем идет речь – неясно. “Соничка” – по-видимому, С.Н. Лаврова.
12. Надежда Николаевна Смецкая (1850 – 1905) училась в Цюрихском политехникуме, в дальнейшем принимала участие в революционном движении в России. В 1877 г. ради получения приданого, которое хотела употребить на дело революции, предлагала П.А. Кропоткину вступить в фиктивный брак.
13. ГАРФ, ф. 112, оп. 2, ед. хр. 1931, л. 1-2.

14. Исследования ледниковых явлений в Финляндии в 1871 г. П.А. Кропоткин был вынужден прервать из-за нехватки средств (см. его письмо брату Александру от 6-7 сентября 1871 г.: Петр и Александр Кропоткины. Переписка. М.; Л.: Academia, 1933. Т. 2. С. 259 – 261).
15. ГАРФ, ф. 112, оп. 2, ед. хр. 1931, л. 3 – 4.
16. “квартильная и общинная школа для девочек” (*фр.*).
17. мастерская [модного] платья (*фр.*).
18. привратник, портье (*фр.*).
19. ГАРФ, ф. 112, оп. 2, ед. хр. 1931, л. 5 – 8.